

Виктор Консидеран

Принципы социализма, манифест демократии в XIX веке (1843)

Предисловие от переводчика

Насколько нам известно, ни одно из сочинений Виктора Консидерана (1808-1893) ещё не было опубликовано на русском языке. Поэтому даже такой плохой перевод, который был нами сделан сейчас – лучше, чем ничего. Перевод любительский, даже не с языка оригинала, а с английского перевода. При сличении его с французским подлинником, правда, расхождений практически не обнаружено.

Консидеран – крупнейшая фигура умеренного социалистического движения Франции в 30-50е годы XIX столетия. Значительная часть его идей предвосхищает марксистские позиции. Уже в эти ранние годы он предельно резко разграничивает революционное и реформистское крыло в демократическом движении. Консидеран прекрасно осознает в чем различие социалистов и коммунистов, и пользуется этими классификациями. Его «Манифест» во многом может считаться социал-демократической работой ещё до институционализации социал-демократии. Но что особо интересно, так это то, что его программа не включает в себя ликвидацию частной собственности. Но действительное внедрение его идей должно было бы исключить при этом наемный труд. А ведь без «наемного рабства» частная собственность действительно не имеет своего зловещего смысла, и означает не больше, чем право владеть участком земли, который ты сам способен обработать. Это чисто мелкобуржуазный идеал. Что же делать работникам, которые ищут занятости? По идее они – сами, или при помощи социального государства – должны организовываться в кооперативы, где будут иметь долю в управлении и доходах предприятия, на которое работают. Такие идеалы стоят даже на более высоком уровне, чем обычные предложения социал-демократов, сосредоточенные на политических реформах и распределении благ от любых источников.

«Манифест», который мы сейчас публикуем – это вступительная программная статья к изданию новой газеты «Мирная демократия» (1843-1851), и как уже видно по годам её выпуска, он написан ещё в 1843 году. Однако полноценная публикация его в качестве отдельной работы (по-видимому, отредактированная, и снабженная десятком новых примечаний) произошла уже накануне Весны Народов в 1847 году. По некоторым косвенным признакам структуры работы, её названию и времени повторной публикации – можно понять, что она стала прямым прообразом «Манифеста коммунистической партии» Маркса (1848) и его первоначальной версии, «Принципов Коммунизма» Энгельса (1847).

Мы не считаем типичные общие места из популярной критики справедливыми что по отношению к «реформистам» и «утопистам» в общем, что по отношению к Консидерану в частности. Если читать этот текст без предубеждения и

погрузившись в контекст жизни Франции начала XIX столетия, то многие «наивные» места перестанут выглядеть таковыми. Часто они даже не являются наивными с высоты взглядов новейшего времени. Однако, Консидеран всё же оказывается крайне ретроградным автором, и не может считаться эталоном демократического движения своего времени. Будучи фурьеристом, он проявляет огромный, даже чрезмерный набор **сектантских** тенденций. Одну треть текста у него занимает религиозная, христианская трактовка социалистической идеи, он также до такой степени перегибает с пацифизмом, что не только пропагандирует примирение всех групп («классов») внутри третьего сословия, но выступает и за союз **науки и религии**. Зачастую он критикует материализм, и вообще представляется крайне набожным человеком. Но что ещё сомнительнее, ему безразличны все формы правления, и во избежание лишних проблем, он бьет челобитную французской монархии. А из всех актуальных политических сил в стране, наибольшее сочувствие и надежды на сотрудничество у него вызывает **консервативная партия**. Это в какой-то степени общий порок социалистов того времени, но Консидеран собрал все подобные «общие пороки», что всё-таки встречается не так часто. Правда, здесь его можно извинить, поскольку в его глазах борьба консерваторов и либералов это в первую очередь борьба государственного регулирования против свободной конкуренции. Но всё-таки, мы не можем одобрить такого неслучайного набора ретроградных предпочтений.

Поэтому можно особо рекомендовать к прочтению первую часть «Манифеста», более-менее свободную от большинства негативных сторон. Вторая часть не только перегружена этим сектантским и мессианским духом, но и содержательно не имеет большой ценности, являясь скорее пересказом истории журналистской деятельности фурьеристов.

Оригинал на французском можно найти по [этой](#) ссылке.

Взятый нами за основу английский перевод – [здесь](#).

Группа, составившая этот перевод – [здесь](#).

Часть первая

Состояние общества

I. – Об интересах и потребностях общества.

Параграф I.

Древние и феодальные общественные порядки

Основным принципом античных обществ был принцип права **Сильного**; их политикой была **Война**; их целью было **Завоевание**; и их экономической системой было **Рабство**, которое является самой тотальной, бесчеловечной и варварской

формой эксплуатации человека человеком. Свободные люди, патриции или плебеи, вели войны и потребляли продукты: раб был производителем благ. РАБСТВО было фундаментом общества; его вершиной была ВОЙНА. Человеческое сострадание не простиралось дальше границ собственного Отечества. Внешняя политика состояла из безжалостного господства своего Отечества над другими народами; внутренней политикой было рабство и дух каст. Такова была природа древнего общественного строя.

Феодальный порядок, возникший в результате завоевания, был лишь легитимизацией завоеваний. Его главной чертой по-прежнему была война и, прежде всего, постоянная институциональная санкция, которую она давала *де-факто* привилегиям завоевания.

Его экономическая система представляла собой несколько менее жесткую и жестокую форму эксплуатации человека человеком – Крепостничество. Человеческое сострадание, раскрывающееся в сияющем тепле раннего Христианства, выходило за узкие границы Отечества. Принцип братства стал связывать воедино разные расы и нации, но эти узы соответствовали феодальной иерархии. Во всей Европе потомки завоевателей, дворяне, признавали друг друга равными, попирая ногами крестьян и простолюдинов, которые, по их мнению, даже не принадлежали к одному с ними роду. Но эти люди, повсюду поработанные, относились друг к другу как братья и даже предвещали приход Царства Божия и его справедливости. Они уже понимали, что их угнетатели были просто их старшими братьями в великой человеческой семье.

Дух и законы феодальных времен были аристократическим духом и законами дворянства. И то, и другое, как бы ни было изменено и ослаблено великим социальным прогрессом последних нескольких столетий, все еще господствовало во Франции до тех пор, пока революция 1789 года не положила конец *Старому Порядку* (Ancien Régime) положив вместе с тем начало Новому Порядку.

Параграф II.

Новый порядок: христианский и демократический

Новый Порядок возник из Феодального Порядка в результате развития промышленности, науки и Труда, а также в результате медленного, но непреодолимого преобладания разума над грубой силой, творческого гения над военным гением. Юридическое право универсально в современных Обществах, и их основным принципом является Христианская концепция, объединяющая всех членов человеческого рода. Отсюда вытекает политический принцип равноправия всех граждан. Дух этих Обществ *демократичен*.

Таким образом, эпоха 1789 года знаменует собой великий раскол в истории человечества между Старым порядком и Новым порядком; т.е. между правом, основанным на силе, и правом, основанным на труде, между аристократическим

правом, правом завоевания, закрепленным по рождению, и всеобщим правом, право всех на всё (the right of All to All), ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ПРАВОМ.

Параграф III.

Разделение демократического и революционного принципов

Новое демократическое право с 1789 года санкционировано первой статьей всех наших конституций: «Все французы равны перед законом, а также государственных должностях и обязанностях».

Поскольку это новое демократическое право пришло в мир в результате революции, было провозглашено, установлено и защищено революцией, и обязано своим успехом успеху революции, то неудивительно, что демократический принцип долгое время ассоциировался с революционным принципом.

Демократическое право могло быть включено в Общество посредством прогрессивных организационных реформ, которые мирно завершили бы постепенное преобразование старого феодального общества, уже и без того идущего полным ходом.

Но естественное движение синтеза и включения, которое могло обеспечить упорядоченную трансформацию старого Общества, не поощрялось и не направлялось разумно преемниками Генриха IV, Ришелье и Людовика XIV; поскольку во время его мощного расширения за этим новым духом не следили мудро и внимательно, результатом стал взрыв. *Старый порядок* (Ancien Régime) был насильственно свергнут, и на его осколках два начала права столкнулись в самом враждебном противостоянии, породив взрыв, долго звучавший на Европейской земле, начав войну, исход которой уже был предрешен вечными законами, управляющими миром. Когда для прошлого приходит время преобразования, и это прошлое сопротивляется неизбежному, тогда оно погибает в насилии.

Таким образом, естественный ход событий привел движение модернизации на путь насильственного Протеста, Революции и Войны. Следовательно, Война, Революция и насильственный Протест долгое время были ведущими проявлениями нового духа. Вместо того чтобы внедрить свои принципы свободы и справедливости в социальную организацию, новый дух почти целиком занят борьбой с прошлым. В связи с этим поколения, закончившие XVIII век, и те, что начали XIX-й, горячо верили, что с тех пор, как закончилась Революция, прекратилась Война, были отменены привилегии по рождению и принцип равенства был победоносно вписан в законы, новая структура будет достигнута в действительности, и новый Порядок будет основан и прочно установлен.

Это была серьезная ошибка.

Всю работу по организации Нового Порядка еще предстоит выполнить.

Эта работа есть проблема и задача нашей эпохи; это загадка, которую гений Судьбы поручает нам разрешить.

Параграф IV.

Революционная работа завершена; демократическая – едва начата

Революция в период 1789-1830 годов показала только отрицательную и абстрактную сторону нового демократического права. Она ниспровергла последние остатки Феодалного Порядка, основанного на войне и привилегиях наследственного дворянства; во главе закона она поставила демократический принцип равенства граждан. Мы должны признать, что в политическом порядке она даже создала представительную систему, которая, поскольку основана на выборах без учета наследственного статуса, является определяющим политическим институтом современного Общества. Она также попыталась сделать начальное образование более доступным при помощи новой системы начальной школы. Но она оставила весь экономический порядок без организации, направления и всякого регулирования. Она отменила гильдийских старост, привилегии и традиционные корпорации, которые представляли собой нелиберальную экономическую организацию, но не заменила их никакой более лучшей организацией. Она отдала всё социальное и экономическое поле деятельности, всю область производства и распределения богатств в руки самого необузданного принципа *laissez-faire*, самой анархической конкуренции, самой слепой войны всех против всех и, следовательно, монополии крупнейших предприятий.

Теперь статус человека в экономическом, социальном и политическом порядке основывается только на *деньгах, образовании или связях*. Но образование и связи предполагают досуг или богатство. Без справедливой организации труда богатство обычно передается только по рождению и брачным союзам. В результате, несмотря на метафизический либерализм нового закона, на юридическое уничтожение прежних аристократических законов, конституционное равенство граждан перед законом и общественными функциями, а также несмотря на отмену королевских привилегий в промышленности, всё же нынешний общественный порядок остается аристократическим порядком. Правда, уже *не в теории и законах, а фактически*.

Также, несмотря на отдельные исключения, не опровергающих общего правила, в современном обществе те, кто рождаются в нужде, бедности и нищете, доживают свою жизнь в нужде, бедности и нищете, после чего передают это фатальное наследство своим потомкам, которым суждено так и остаться в нужде, бедности и нищете. И они действительно остаются там.

Верно, также и то, что богатые и благополучные классы воспроизводят богатые и благополучные социальные слои следующих поколений. За исключением того, что из-за невезения в нынешней анархической экономике, из-за жалкой борьбы, вызванной свободной конкуренцией без ограничений и правил, и из-за растущего господства крупных Капиталистов, к сожалению, большое количество людей и семей в благополучном классе, иногда даже те, кто принадлежит к наиболее богатому классу, рискуют упасть и действительно попадают в бедность.

Таким образом, хотя новое демократическое право и не признает больше никакой естественной непригодности людей или классов, — напротив, оно очень демократично провозглашает равную социальную и политическую способность каждого ко всему, — тем не менее высшие и средние позиции в политике, промышленности, финансах, и коммерции, и почти все государственные должности и свободные профессии *фактически* монополизированы семьями высшего и среднего класса, которые держатся за них и передают их между собой. В то время как черная работа, тяжелая работа и болезненная, неблагодарная, отвратительная, рискованная, и мизерно оплачиваемые работы остаются постоянным уделом семей низшего класса.

Следовательно, верным будет положение, что за исключением очень немногих людей, которым удастся выбираться из низших классов благодаря совершенно исключительным обстоятельствам или способностям, позволяющим им подняться по социальной лестнице; и за исключением значительно большего числа людей из благополучных или богатых классов, что были ввергнуты в бедность и нужду в результате социальных и экономических кризисов — высшие и низшие классы увековечиваются по праву рождения.

Если это действительно так, то очевидно, что наше общественное положение, *демократическое в теории и по закону*, остается, как мы говорим, *аристократическим на деле*. Конституционно, юридически и абстрактно в нации больше нет каст. Практически, точно и реально мы все еще живем в кастовом режиме. Только уже не закон, права или политический принцип создают барьеры между основными подразделениями французского народа, а наша *экономическая и социальная организация*.

Параграф V.

Быстрое развитие нового феодализма через анархическую свободную конкуренцию. — Коллективное крепостничество рабочих.

Сегодня самое серьезное явление становится очевидным даже для наименее наблюдательных. Это явление представляет собой быстрое и мощное развитие **НОВОГО ФЕОДАЛИЗМА**, *промышленного и финансового феодализма*, который неуклонно заменяет дворянскую и военную аристократию *старого режима*, уничтожая или разоряя средний класс.

После великого взрыва 1789 г., разрушения прежнего политического Строя, уничтожения феодальной собственности и цеховой системы была провозглашена *экономическая свобода*, и Общество считало, что оно навсегда избавлено от какой-либо исключительной правящей Аристократии.

Предполагая это, они просчитались. Доказательства очевидны, а причину, к тому же, легко понять — вот она:

После того, как великая агитация утихла, сложилась новая ситуация и общество вернулось к нормальному состоянию, на социальной и экономической аренах остались только противоборствующие друг другу личности, предоставленные в *полной свободе* для себя и своих собственных ресурсов. Но одни были снабжены капиталом, талантами и образованием и занимали могущественные, высокие посты; другие, представители самых многочисленных классов, не имели ни капитала, ни образования, ни предварительной подготовки для развития своих талантов. Они застопорились, опустили на самые нижние ступени социальной лестницы.

Что может привести к такому положению вещей, из этой экономической свободы, на которую поставлено так много, из этого знаменитого принципа *свободной конкуренции*, который так горячо считается определяющей характеристикой демократической организации? Из этого не может выйти ничего, кроме всеобщего рабства в пользу богатого, хорошо вооруженного класса, коллективного феодального подчинения для масс, лишенных капитала, орудий производства, образования и экономических опор.

«Списки открыты; на турнир вызываются все лица; условия одинаковы для всех бойцов». Верно! Забыто только одно: на этом великом поле битвы одни образованы, боеспособны, экипированы и вооружены до зубов; у них огромный запас провизии, припасов, боеприпасов и оружия; и они занимают высокие позиции. Другие, обездоленные, раздетые, необразованные и голодные, должны выпрашивать у своих противников любую доступную работу за мизерную плату, чтобы жить изо дня в день и содержать своих жен и детей.

Абсолютная свобода без организации есть тогда не что иное, как абсолютная передача обезоруженных и обездоленных масс на милость вооруженных и снаряженных сил.

Цивилизация, начавшаяся с ДВОРЯНСКОГО ФЕОДАЛИЗМА, постепенно освободила трудолюбивых от личного или прямого рабства. Сегодня этот порядок превратился в ПРОМЫШЛЕННЫЙ ФЕОДАЛИЗМ, который навязывает рабочим коллективное или косвенное рабство.

Параграф VI.

Увеличение нищеты рабочих из-за падения заработной платы; Эффект свободной конкуренции.

Отношения между классами, **богатым классом**, владеющим капиталом и орудиями производства, и **классом пролетариев**, лишенным всего, справедливы также и между сильными и слабыми в каждом отдельно взятом классе.

Таким образом, и среди самих пролетариев существует свободная конкуренция. Потребности выживания, которые вынуждают их каждый день в самых трудных условиях находить работу *и даже работодателя*, вынуждают их продавать свой

труд по самой низкой цене. В результате, когда рабочих много, а это обычно так и бывает, свободная конкуренция среди этих несчастных вынуждает их предлагать свой труд по самой низкой возможной цене, и дневная заработная плата повсюду падает до стоимости самого необходимого для выживания, что особенно тяжело приходится тем пролетариатам, которые содержат семью. Конкуренция среди работодателей заставляет каждого из них, *несмотря на благие намерения* платить только самую жалкую заработную плату, потому что капиталист знает, что он рискует потерпеть неудачу, платя своим рабочим заработную плату выше, чем у его конкурентов. Таким образом, одиозный Двигатель свободной конкуренции в отсутствие гарантий нарушает все законы справедливости и человечности. Когда заработная плата рабочих падает на одном рабочем месте в промышленном подразделении, работодатели вскоре вынуждены ввести такое же сокращение на всех других рабочих местах в этом подразделении. Зарботная плата и цены снижаются по нисходящей спирали, и работодатели быстро оказываются в той же взаимной ситуации, но не лучшей, чем была прежде. Только вот положение масс стало хуже в абсолютном выражении.

Свободная конкуренция, т. е. анархическая, нерегулируемая конкуренция, несет этот бесчеловечный, предосудительный характер: она всегда и везде снижает заработную плату. Ввергнув рабочий класс в бездну нищеты, она держит его там под все более тяжелым бременем! В Ирландии, Англии, Бельгии, Франции, везде, где царит свободная конкуренция, ничто не может остановить нарастающий беспорядок необузданного индустриализма. Положение рабочего класса неизбежно становится более несчастным и жалким. Кроме того, эти классы должны бороться не только друг с другом, но и с машинами, предоставляющими аналогичную рабочую силу всего за несколько пенни!

Параграф VII.

Сокращение среднего класса; опасности, грозящие ему со стороны господствующей денежной аристократии.

Это еще не все: аналогичные явления происходят и в классе, владеющем капиталом и орудиями производства. И там сильные неизбежно господствуют над всеми и без сожаления губят слабых. И если первым следствием этой борьбы на чудовищно неравных условиях является внезапное сведение пролетарских масс к коллективному Крепостничеству, то вторым следствием, столь же неизбежным, как и первое, является прогрессирующее дробление мелкой и средней собственности, промышленности и бизнеса под тяжестью богатых собственников, под колоссальными колесами крупной торговли и крупной промышленности.

Во всех отраслях хозяйства крупные капиталы и крупные предприятия правят малыми. Паровые двигатели, машины и крупные фабрики всегда легко преобладали там, где они противостояли мелким и средним мастерским. При их приближении старые ремесла и ремесленники исчезли, остались только фабрики и пролетарии. Более того, вновь и вновь появляется какое-нибудь неожиданное

изобретение, обновляющее целую отрасль производства и наводящее ужас на всю промышленность. Сломав рабочим руки и бросив в канаву всех тех людей, которые вдруг были заменены машинами, они, в свою очередь, давят на хозяев. Кроме того, от одного конца Франции до другого стонут под гнетом Капитала мелкие и средние хозяйства, обремененные разорительной ипотекой и скупаемые ростовщичеством. Эксплуататорские ссуды и чрезмерная рента поглощают заслуженные доходы, которые 25 миллионов рабочих ежегодно извлекают из земли тяжелым трудом.

Наконец, кто переживает кризисы, наживается на них, и практически за бесценок скупает предприятия, созданные многолетним упорным трудом? Кто выигрывает от дефицита, а также от изобилия? Кто извлекает огромную выгоду из величайших бедствий? Кто захватывает все выгодные позиции, стратегические посты и базы операций в торговле и промышленности? Кто захватывает все и становится хозяином всего, как не крупные спекулянты и банки, а в каждой отрасли — крупные Капиталы?

Да, среднему классу, на который уже серьезно посягнули, пора остерегаться. Деньги вторгаются во все; мощь крупного Капитала неуклонно возрастает. Они привлекают и поглощают во всех областях мелкие капиталы и состояния среднего размера.

Параграф VIII.

Разделение общества на два класса:

немногие владеют всем, а многие лишены всего.

Таким образом, вопреки теоретически демократическому принципу экономической свободы, или, вернее, благодаря этой свободе, *ложной и иллюзорной*, как и все простые и неорганизованные свободы, капиталы без противовеса и соразмерно своей массе давят на другие капиталы, концентрируясь в руках своих крупнейших держателей. Общество имеет тенденцию все более и более резко разделяться на **два основных класса**: элита, владеющая всем или почти всем, абсолютные хозяева в сферах земельной собственности, торговли и промышленности; и массы, ничем не владеющие, живущие в полной коллективной зависимости от владельцев капитала и орудий производства, которые за шаткую и постоянно снижающуюся заработную плату вынуждены сдавать в аренду свои руки, таланты и силы Феодалным Лордам современного Общества.

Эта картина текущей социальной ситуации, это описание развития быстро подводят нас к истинному устройству нового Феодализма. И это уже не пророчество, это наша актуальная история. Можно спорить о терминологии этого общего и по необходимости краткого изложения. Тем не менее остается верным то, что Общество быстро движется к установлению властной и подлой аристократии. Мы уже здесь; мы пришли к этому. Всё это связывает и связывает нас; давит на людей; подчиняет, перемалывает и поработывает, человека за человеком, дело за делом, саму буржуазию, средний класс.

И это явление не уникально для Франции. Это социальное явление, характерное для всей современной Цивилизации. С наибольшей силой оно развивается в тех странах, где индустриализация достигла наибольших успехов. Оно шаг за шагом следует за прогрессом торговли и вторжения машин в производство. Наша экономика свободной конкуренции — это колоссальная Машина огромной силы, которая непрестанно высасывает национальное богатство, чтобы сконцентрировать его в великих резервуарах новой Аристократии, и которая фабрикует голодающие легионы бедняков и пролетариата. Великобритания демонстрирует это явление в наибольшей степени: концентрация капитала в руках небольшой Аристократии, сокращение среднего класса, почти полное политическое и социальное уничтожение Буржуазии, рост Пролетариата и Пауперизма. Франция и Бельгия, две страны, которые наиболее близко следуют за Англией на этом пути иллюзорного индустриализма, являются также странами, где новый Феодализм возникает быстрее всего.

Наконец, Германия, глубоко напуганная зрелищем, представляемым Англией и Францией, теперь медлит со стимулированием собственного материального прогресса, грозящего столь ужасными социальными последствиями.

Параграф IX.

Зависимость правительства от новой аристократии.

ХОТИТЕ ЛИ ВЫ знать, до какой степени этот губительный феодализм уже укоренился в почве и доминирует в политическом и общественном развитии? Оставим в стороне тот факт, что великая монополистическая схема была ответственна за падение Империи, вызвав роковую шестинедельную задержку русской кампании. Разве мы не видели в этом году, как правительство подчиняется диктату феодальным «Компаниям каналов», которые облегчают торговлю в наших богатейших провинциях, устанавливают и взимают по своему желанию пошлины на наших путях сообщения, подобно Лордам укрепленных поместий в графствах и баронствах в средние века, и все время смеющиеся над бесполезными протестами центрального Правительства? Разве мы не видели то же самое Правительство, сожалевшее об этом господстве феодальных компаний, постыдно соглашавшееся с тем, что оно само было неспособно развивать и направлять железные дороги к выгоде великих и всемогущих Вассалов Банка? Тем временем маленькое Бельгийское Правительство за несколько лет покрыло свою землю железными дорогами, которыми, как мы видим, оно управляет очень хорошо и очень демократично. Наконец, в довершение всего, когда Французскому Королю пришла в голову великая идея и он попытался создать Франко-Бельгийский союз, разве мы не видели, как два Правительства, две Нации, два Короля были остановлены наглым сопротивлением нескольких крупных владельцев промышленной собственности? Два Правительства, две Нации, два Короля — разве они не подчинились воле этих всемогущих Вассалов? Потребовалось ли больше недели, чтобы навязать верховную волю этих новых Лордов предполагаемым обладателям

национального Суверенитета? Разве на этом примере не видно, что правят уже не Король, Министры и Нация, а промышленный и финансовый Феодализм? ⁽¹⁾.

Параграф X. Социальные революции.

Не заблуждайтесь: такая ситуация, если она продолжится и прогрессирует, полна опасностей. Французский народ не даст загнать себя в тот же угол, куда заброшены городские и сельские рабочие Ирландии и Англии. Французская Буржуазия не позволит себя ободрать и отбирать имущество, лишит политического влияния и бросит в ряды пролетариата. Универсальная Монополия не может, в нашем веке, попасть в руки элитарного класса, не возбудив яростной ненависти к этому самому классу. Уже у Чартистов Англии, где по понятным причинам феодализм более развит, чем здесь, эта социальная ненависть, предвестник революций, в которых речь идет о правах собственности, достигла ужасающей силы.

Что станет с Цивилизацией, что станет с Правительством, и что станет с высшими классами, если промышленный Феодализм, распространяющийся по всей Европе, вызовет великий клич социальной войны: «Живи, работая, или умри, сражаясь!» и пробудит огромные легионы Современного Рабства?

Что ж, если мудрецы в Правительстве, интеллигентная, либеральная Буржуазия и Ученые не задумаются об этом, несомненно, что движение, воспламеняющее Европейские Общества, приведет прямо к социальной революции, и что мы будем на пути к Общевропейской Жакерии.

В этом вопросе некоторые упрямые консерваторы, боязливые экс-либеральные свиньи, не желают слышать ни дискуссий, ни прогнозов. Они сердятся, что мы смогли деликатно уберечь их от истин, которые могли бы нарушить идиотский сон этих эгоистичных потребителей. Эти бывшие революционеры, ныне сытые и довольные, считают лучшим не упоминать о народном несчастье, бедствиях рабства, ненависти пролетариата и параллельных нашествиях промышленного Феодализма и Пауперизма. Предполагается, что это избегание избавляет от любых будущих неприятностей и поддерживает иллюзию, что все идет к лучшему в этом мире, где процветают эти господа. *«Проповедуйте рабочим, — говорят эти недалёковидные, бессердечные люди, все безбожники, — утешение религией. Это правда, что они не так богаты, как мы, но улучшить их положение невозможно».*

Что ж! Рабочие классы не без оснований верят, что они всегда должны быть товарами, цены на которые растут или падают, как если бы они были просто пролетарским сырьем на рынке. Они хотят, чтобы Общество гарантировало им жизнь и работу; они начинают понимать, что *право на Труд* есть право не менее священное, чем *право на Собственность*. К сожалению, великая несправедливость,

¹ Не добавили ли новые события со времени, когда были написаны эти строки (август 1843 г.), обескураживающие доказательства этой великой политической и социальной междоусобицы новой аристократии во Франции и других цивилизованных нациях?

преследующая их, в свою очередь делает их самих несправедливыми, так что уже в трех наиболее развитых нациях — Англии, Франции и Германии — они начинают сомневаться в праве собственности и отвергать его!

Кто сегодня являются настоящими консерваторами: умные и дальновидные, которые требуют, чтобы политические и социальные Силы (Powers) информировались о текущей ситуации дабы исправить её, предоставив законную компенсацию непризнанным правам и интересам, чтобы таким образом позволить Обществу безопасно развиваться? Или те, которые, пресытившись, довольные своей участью, и не имея мужества вникнуть в глубокую нищету общества, считают, что нельзя думать о таких вещах, и, следовательно, допускают ситуацию, чтобы собралась буря, которая смогла бы все испровергнуть?

С каких это пор можно лечить серьезные болезни, сохраняя их в тайне? С каких это пор лечат раны и язвы, прикрывая их, отворачивая голову и отказываясь осматривать или прощупывать их?

Параграф XI.

Социальный ад. Абсолютная необходимость его решения.

Мы утверждаем, что наша система свободной конкуренции, восхваляемая глупой Политической Экономией и введенная для уничтожения монополий, приводит только к универсальной организации крупных монополий в каждой отрасли; что свободная конкуренция повсюду снижает заработную плату, что она не приводит ни к чему, кроме постоянной войны труда, машин и капитала — всех против всех — войны, в которой слабые обречены на гибель; что именно она делает неудачи, банкротства, остановки и кризисы эндемичными для экономической системы; что она непрестанно откладывает после себя обломки и руины по всей земле; и, наконец, что низшие и средние классы за свой каторжный труд получают лишь смутное, жалкое существование, всегда ненадежное, полное тревог и несчастий.

Из наиболее авторитетных документов ⁽²⁾ мы узнаем, что в то же самое время как небольшое число богатых становится еще богаче, положение трудолюбивых средних классов постоянно ухудшается. Таким образом, наша индустриальная система представляет собой настоящий Ад; он в огромных масштабах воплощает в жизнь самые жестокие концепции древних мифов. Наши массы, нагие и бедные,

² В.К.: Статистические документы, собранные и опубликованные недавно М. Портом, главой Лондонского статистического управления, свидетельствуют о том, что уровень жизни рабочего класса в Великобритании снижается с каждым днем. Эти документы сообщают нам, среди прочих замечательных фактов, что в 1824 году на рынке Смитфилд — продовольственном рынке лондонского Сити — было продано 163 000 голов крупного рогатого скота и более 1 200 000 овец, а в 1841 году, несмотря на значительный прирост населения с 1824 года, на том же рынке было продано только 166 000 голов крупного рогатого скота и 1 300 000 овец. Это привело М. Портера к выводу, что по отношению к населению лондонцы потребляли в 1841 г. гораздо меньше мяса, чем в 1824 г., почти на четверть меньше.

брошены в волны огромной роскоши в больших городах, где они видят переполненные сундуки в валютных и золотых конторах и магазинах, наполненных богатой пищей и прекрасной одеждой из эlegantных тканей. Затем их окропляет модный экипаж и пробуждают звуки и песни, доносящиеся из театров. Измученные созерцанием всех удовольствий, в которых им было отказано, не является ли это гигантским человеческим разыгрыванием страданий Тантала, измученного вечным голодом и жаждой среди иллюзорных плодов и воды, которые навсегда ускользнули от его иссохшего рта? Вы думаете, что агония Сизифа, которому целую вечность было суждено поднимать тяжелый камень на вершину горы, с которой он снова катился вниз, хуже, чем у несчастных кормильцев, которые упорно работают всю свою жизнь, чтобы накопить немного богатства для своей старости и своих детей, и которые *едва сводят концы с концами*? Или она страшнее агонии тех, кто мучительно трудился над созданием бизнеса только для того, чтобы потерять его в огне яростной конкуренции или внезапно утонуть из-за банкротства и периодических кризисов нашей экономики? Наконец, разве пятьдесят Данаид, вынужденных непрерывно лить воду в бездонный сосуд, не являются точным символом отвратительного положения низших и средних классов, обреченных извлекать новые потоки богатства из недр земли и с промышленных фабрик своим неустанным трудом, который всегда течет через их руки и неизбежно скапливается в обширных резервуарах денежной Аристократии?

Таким образом, наша экономическая система, основанная на конкуренции без каких-либо гарантий или регулирования, есть не что иное, как социальный Ад, обширное воплощение всех мучений и страданий древнего Тонара. Однако есть одно отличие: виновными были жертвы Тонара, а в мифологическом аду были судьи...

И подобное положение вещей должно быть принято современными интеллектуалами и массами как нормальная организация, как *пес plus ultra* общественных институтов, как лучший и справедливейший способ ведения промышленности и управления собственностью! Это невозможно (!), и мы не перестанем так говорить, пока все не осознают: попытки обездвигнуть Общество в этой системе, попытки загнать Человечество в тупик в этом социальном Аду неизбежно вызовут страшные революции. Итак, присоединяйтесь к нам, умные и дальновидные консерваторы! Присоединяйтесь к нам, просвещенные люди высшего и среднего классов, люди из любого класса, но имеющие сердце! Наше Общество, уже изуродованное пятидесятью годами революций и быстро идущее к полному Феодализму, находится в стадии кризиса, который требует серьезных исследований и незамедлительных мер, если мы хотим избежать взрыва!

Очевидно, что наши политики, не заморачивающиеся организационными проблемами, как и вся отжившая политическая пресса, занимающаяся только парламентскими интригами, игнорируют главный вопрос современности и продолжают нести чушь. Проблема нашего времени прежде всего социальная, экономическая и производственная; и именно в социальной сфере, где великое

развитие фактов и идей захватывает наши умы, мы должны сегодня направлять наши исследования и производить знания и просвещение.

II. – Два решения социальной проблемы.

Параграф I.

Общность Благ: – Революционный принцип или подход

Перед лицом такого положения дел, этого трудного социального вопроса, могут быть предложены и предлагаются два решения, две идеи, два подхода.

Один из этих подходов – насильственный, деструктивный, революционный, и, к тому же, иллюзорный. Он состоит в нападении на сам принцип частной Собственности; отрицание того, что это наше право; ограбление силой и законом богатых в пользу бедных, а собственников в пользу пролетариев; и, наконец, узаконить равенство состояний и Общность благ.

Вдохновленная быстрым развитием Пролетариата, Пауперизма и нового Феодализма, эта идея вспыхнула из недр Общества, все еще тлеющего революционным огнем. В течение нескольких лет она активно распространяется среди трудящихся, особенно в крупных промышленных центрах Франции и Англии, и даже в Бельгии, Швейцарии и Германии. Он соблазняет и вдохновляет массы. На его стороне огромное преимущество большой простоты. *«Нет больше собственности, нет больше владельцев! Нет больше эксплуатации человека человеком! Нет больше наследства! Земля для всех!»*. Эти формулы очень просты и понятны для голодающих и угнетенных масс, которым они кажутся совершенно справедливыми, пока Общество отказывает им в Праве на Труд, которое еще более свято, чем вытекающее из него Право на Собственность.

Это принципиально негативное и революционное решение есть не что иное, как ограниченная насильственная реакция (как и все великие реакции) на социальное вторжение и тираническое господство Капитала. Коммунизм никогда не возникнет там, где богатство и собственность пользуются своими законными правами, а не пользуются исключительным преобладанием. Таким образом, эти доктрины, защищающие отмену собственности, являются протестом против промышленного Феодализма, протестом, связанными с его нарастающим прогрессом, и интенсивность этих протестов будет только возрастать до тех пор, пока не произойдет взрыв по мере усиления социального – или, скорее, антиобщественного – давления капитала на массы.

Эти феномены – не просто философские рассуждения, которые могут быть легко отброшены или отвергнуты несведущим человеком. Это факты о том, что уже происходит.

Чартизм, Коммунизм и Сен-Симоновские учения о незаконности наследования быстро распространяются по Европе.

Параграф II.

Текущая ситуация и 1789 год; Буржуазия и Пролетариат.

К концу *Ancien Régime* буржуазия была увлечена мощным потоком волнующих философских и политических идей, совершенно несовместимых с этим режимом и его привилегиями. Дворянство мало обращало на них внимание или смеялось над ними; буржуазные политические и социальные идеи не имели серьезного значения. Дворяне все еще весело танцевали при дворе Людовика XVI в ночь перед взятием Бастилии. Ныне правящая нами доктринерская Аристократия, более удовлетворенная и самодовольная, более *пренебрежительно относящаяся к людям*, их идеям и их правам, чем старое Французское Дворянство, не знает об опасных идеях и учениях, развивающихся в пролетарских слоях, лежащих прямо перед его взором. Это серьезное движение остается совершенно чуждым нашей Аристократии. Что касается наших четырехсот депутатов, то их, вероятно, не больше двадцати, которые знают, что сегодня Народ читает больше, чем финансовая Аристократия; и то, что они читают сотнями тысяч, это книги, листовки и памфлеты, в которых обсуждаются все аспекты самых серьезных и шокирующих социальных вопросов.

Между двумя ситуациями и двумя эпохами совершенное равенство: одно и то же пренебрежение к насущнейшим вопросам, незнание мощного волнения, происходящего внизу, и слепота! К счастью, их много в рядах Буржуазии, и интеллигенция начинает просыпаться. Мысль о том, что мы должны найти средство от материальных и духовных страданий рабочего класса, увидела свет. Буржуазные классы обнаруживают горячие благотворительные порывы, а также начинают видеть, что они, так же, как и пролетариат, заинтересованы в том, чтобы ввести гарантии в экономический порядок и противостоять набегам финансовой Аристократии. Оппозиция, появляющаяся сейчас на скамьях Палаты Депутатов и выступающая против могущественных компаний каналов и железных дорог этой Аристократии, указывает на благотворное пробуждение среди представителей Французской Буржуазии. Придет ли просветление достаточно скоро?

Параграф III.

Добровольная ассоциация: – мирный принцип или метод.

Мы сказали, что есть только два возможных пути избежать этой новой Феодалной конституции. Первый – это равное распределение или общность благ, метод совершенно негативный и революционный, антиобщественный по своей сути, и к тому же иллюзорный. Такие идеи мы будем оспаривать, где бы и когда бы они ни возникали. К счастью, это не единственный вариант.

Мы показали, что Капитал и Труд ведут открытую войну. Система производства, распределения и разделения богатства есть не что иное, как вечное поле битвы. Следовательно, контролируя орудия Производства, Капитал диктует закон Трудю. Кроме того, капиталы борются друг с другом; большие раздавливают и поглощают маленькие. Крупные капиталы, сосредоточенные в аристократических семьях и умножающие свою власть через систему огромных акционерных обществ, становятся все более и более господствующими. Этот перевес все увеличивается, а массы в этой системе свободного предпринимательства не в силах ему сопротивляться, а потому он неизбежно рано или поздно вызовет социально-революционную борьбу. Классы, которые всегда терпят полное поражение на экономической арене, рано или поздно обратятся от мнимой свободы и равенства к грубому фактическому равенству — перераспределению богатства. И когда начинается революция перераспределения, победители не делят богатство; они разбивают (blow off) побежденных и забирают всё. Вот что сделала Буржуазия со старым Дворянством и Духовенством.

Теперь, поскольку последствия войны между Трудом и Капиталом на поле битвы за свободную конкуренцию неизбежно приводят либо к подавлению труда и мелких и средних капиталов феодальными капиталами, либо к подавлению собственности и капитала рабочим восстанием, есть только один способ развеять эти два неизбежных следствия борьбы: ЭТО ПРЕКРАЩЕНИЕ БОРЬБЫ. И если, как это обычно бывает, мир гораздо более благоприятен для соответствующих интересов воюющих сторон, чем продолжение войны было бы удобным даже для победителей, то очевидно, что мы должны быстро найти те условия мира, которые могли бы получить общее согласие конфликтующих сторон.

Существует принцип, способный превратить экономическую конкуренцию в согласие, расхождение в сближение, а борьбу в сотрудничество. Это АССОЦИАЦИЯ.

Когда два соперничающих предприятия создают одно с *договором товарищества* или когда соперничающие капиталы объединяются в большое акционерное общество, это враждебные интересы заключают мирный договор и впредь развиваются совместно. Но зачем останавливаться на Ассоциации Капиталов? Почему бы не потребовать, чтобы этот принцип согласия, единства и гармонии распространялся на согласие, единство и гармонию Капитала и Труда? Почему бы не исследовать и не установить практические условия соглашения между Капиталом и Трудом во всей экономике?

Параграф IV.

Огромный рост общественного богатства посредством Ассоциации.

Капитал, Труд и Талант — это три элемента производства, три источника богатства, три колеса промышленной машины и три великих основных ресурса общественного развития. Представьте общественный строй, организованный на основе Ассоциации, три элемента производства, разумно соединенные в промышленности, и три колеса машины, гармонично сцепленные между собой.

Тогда исчезает анархическая борьба слепой конкуренции, война капиталов против капиталов, труда против капиталов, отраслей друг против друга, всеобщий беспорядок, столкновение всех производительных сил, растрата ресурсов, вложенных в тысячи противоречащих друг другу проектов. Всё это заменяется мощнейшим производственным институтом, и все ресурсы эффективно управляются! Богатство, обильно проистекающее из расширенных производственных ресурсов, распределяемых среди людей на основе пропорциональности, орошает и удобряет всю национальную почву. Труд получает свою законную долю в увеличении богатства пропорционально его сотрудничеству; обездоленные и голодающие классы обогащаются; а пролетарии становятся потребителями, создавая огромный внутренний рынок продуктов, спрос на которые бесконечно возрастает.

Параграф V.

Порочный круг; взаимосвязь заработной платы и рынков; остановка промышленности из-за бедности рабочих.

Промышленно развитые страны лихорадочно ищут зарубежные рынки сбыта своей продукции. Англия, перенасыщенная перепроизводством, прилагает сверхчеловеческие усилия, чтобы сбросить свои излишки мануфактуры на все берега мира. Пушечным выстрелом она открывает ворота старой Китайской империи. Тяжело вооруженная, она бесконечно колесит по миру, повсюду ища потребителей ... и тем не менее по соседству в Ирландии, в самом сердце ее страны от Корнуолла до Сазерленда, и в ее огромных владениях в Старом и Новом Свете бесчисленные массы рабочих чахнут и умирают, или они бунтуют, потому что в этой абсурдной системе свободной конкуренции, они не могут позволить себе потреблять даже самое необходимое для выживания!

Что! Самые развитые нации тонут под смертоносной тяжестью перепроизводства, а среди них легионы рабочих чахнут, потому что их низкая заработная плата не позволяет им потреблять эту подавляющую продукцию! Разве не столь же абсурдна, сколь и бесчеловечна эта экономическая система, которая вполне может потерпеть неудачу из-за нехватки потребителей, и которая настолько плохо оплачивает труд, что лишает собственные рынки наибольшей возможной группы потенциальных потребителей?

Доведите эту жестокую, глупую систему до крайности, к которой она движется. Предположим, что индустриализму удастся заменить все виды человеческого труда машинами, и, чтобы довести аргумент до предела, заработная плата упадет до нуля! Тогда вы достигаете идеала экономиста, производства с минимально возможными затратами, и в то же время достигаете абсолютной победы Капитала над Трудом. Но что будет с вашим огромным выпуском продукции? Куда она пойдет? Кто её будет потреблять? Если народ пойдет добровольно, мирно и законно умирать от голода, сохраняя уважение к вашим представлениям о порядке и священному праву

собственности, разве вы не увидите, как ваша производственная система рухнет сама на себя и раздавит вас в руинах?

Что, если вместо этого вы предложите рациональную, справедливую, христианскую промышленную организацию, которая вознаграждает труд милосердием, справедливостью и щедростью; считает права Труда не менее священными, чем права Собственности; и отдает Труд и Талант, как и Капиталу, их законные доли доходов от производства богатства. Разве вы не видите, как в этом случае комфорт и благополучие распространяются на все классы, как расширяются ваши великие застопорившиеся национальные рынки, как возрастут ваши сокращающиеся рынки сбыта, как непрерывно возрастают законные вознаграждения Капитала, а в соответствующей пропорции возрастают вознаграждения Труда и Таланта?

Параграф VI.

Общий интерес трех классов.

Мы утверждаем, что в самой природе вещей нет никакой радикальной антиномии; между принципами и элементами Производства нет необходимого противоречия или войны. Отчаянная борьба капиталов с капиталами, капитала с трудом и талантами, индустрий между собой, начальства с рабочими, рабочих с начальством, каждого со всеми и всех с каждым – не есть неизбежные условия человеческого существования. Они касаются только нынешнего экономического аппарата, системы анархической, нерегулируемой конкуренции, и той свободы, лишенной организации, которую так настоятельно рекомендовала нам, к сожалению, весьма успешно, *Английская экономическая школа*. Безусловно, можно значительно увеличить общественное богатство путем разумной организации социальной системы и постепенного применения принципа Ассоциации.

Не будем больше говорить о свободном предпринимательстве, как оно понимается в наше время, а только будем осуждать и проклинать его! Давайте перестанем говорить о фундаментальном антагонизме между трудом и талантом, а только докажем, что этот антагонизм является результатом системы, губительной со всех точек зрения: губительной для развития производства из-за ограничения потребления; губительной для высших классов из-за повторяющихся кризисов и насильственной реакции, которую они, несомненно, вызывают; и, наконец, губительной для самых низших классов, из-за увеличивающихся страданий, которые эта система налагает на них, и которые толкают их на путь кровавого восстания! Не будем больше говорить об уничтожении собственности, равном распределении или общности благ, не будем говорить о поломке машин и хулиганстве! Лучше поговорим об организации для защиты интересов и прав рабочих; введение порядка, справедливости и подлинной свободы в экономику производства, распределения и раздела богатства; объединение интересов имущих и пролетариата, солдат и руководителей. Давайте поговорим о том, чтобы заставить машины работать РАДИ капиталистов и РАДИ народа, но никак не РАДИ

капиталистов и ПРОТИВ народа! Поговорим, наконец, об организации Ассоциации классов в национальное Единство и Ассоциации наций в единое человечество! Таковы разумные пути современных Государств и Обществ. Таковы проблемы, достойные теперь внимания всех серьезных интеллектуалов, всех умов, открытых для просвещения, и всех тех душ, которые все еще придерживаются великих принципов — благородных чувств страны, свободы и Христианского братства, которые страстно волновали наших отцов.

Краткое содержание первой части.

ДАВАЙТЕ ПОДВЕДЕМ ИТОГИ того, что мы установили:

Право постепенно заменяет Силу, Индустрия свергает Войну, и современные умы уже полностью признают в абстрактном смысле принцип равенства и универсальности прав: демократический принцип.

Новое демократическое право, Христианское право на человеческое равенство и единство, объявленное миру Французской Революцией и победоносно отстаиваемое Францией против феодального, варварского, аристократического права, записано на высшем уровне закона. Это постоянная, закрепленная победа.

Поскольку демократическое право, Христианское право, право всех – было задумано и осуществлено только путем провозглашения свободы и равенства, оно совершенно иллюзорно, и экономическая война заменила войну военную.

В экономической войне, как и в военной, есть победители и побежденные. Промышленный Феодализм утвердился, как и военный Феодализм, гибельным триумфом и постоянным превосходством сильного над слабым. Пролетариат — это современное Крепостничество. Новая Аристократия, чьи титулы — банкноты и акции, все больше и больше давит на саму Буржуазию и уже господствует над правительством.

Такое положение вещей, противное всем правам человечества, всем принципам современного общественного нрава, не может продолжаться без возбуждения новых революций, революций уже не политических, а теперь социальных и направленных против самой собственности, с их восклицаниями: «Живи, работай! Или умри в бою! Мир рабочим!».

Есть только один способ предотвратить эти новые Революции: это серьезное признание права на Труд и экономическая Организация, основанная на тройственном союзе капитала, труда и таланта.

Эта организация является задачей современной Демократии.

Часть вторая

Состояние общественных мнений

I. – Изучение больших разделов современной демократии.

Параграф I.

Универсальность демократического духа во Франции; Легитимистская партия демократизируется.

Зная нынешнее положение, насущные потребности современности, проблемы, которые необходимо разрешить, и мирный организационный принцип их решения, нам будет легко описать текущее настроение, показать характер и значение различных оттенков демократического общественного мнения, и определить место течения, которое мы представляем.

Прежде всего отметим факт: наша эпоха, как и наша конституция, демократична. Иными словами, языку *Демократии* суждено сегодня представлять страсти, принципы и права, общепризнанные в *теории*, ради которых наши отцы триумфально претерпели ужасы первой Революции.

С тех пор как прекратились бурные городские беспорядки, подавлены самые зверские проявления революционеров, а затишье позволило возобновить серьезное изучение идей, слово «Демократия» вернуло своё великое, всеобщее и всеобъемлющее значение, которое ей суждено иметь как основной идее века.

Антидемократическое учение о неравенстве людей от рождения, догмат юридических привилегий и дух *Ancien Régime* теперь исчезли. Сама Легитимистская Партия в настоящее время исповедует — мы думаем, искренне — либеральные и демократические принципы. Она отвергает и осуждает все злоупотребления и привилегии *Ancien Régime*. Опубликованный исполкомом партии *Меморандум*, официально провозгласил эти принципы. И если роялистская пресса не полностью поддерживает этот *Меморандум*, то не потому, что он слишком пропитан либеральными идеями нашего века, одобряющими всеобщие права, представительное правительство и равенство граждан внутри нации; и празднованием упадка феодального и божественного права. Наоборот, некоторые партийные представители подвергли *Меморандум* резкой критике, поскольку считают его недостаточно демократичным. Стороны, наиболее привязанные к прошлому, бесполезны; они всегда принадлежат своей эпохе, и великое течение современных идей увлекает их за собой, несмотря ни на что. Если бы Генрих V мог вернуться в Тюильри, нам не нужно было бы опасаться за права граждан, общественные свободы или представительное правительство, которому его правительство скорее расширило бы обязанности, а не попыталось бы ограничить.

Наследники старой феодальной партии Аристократической знати сегодня принимают демократический дух. Поняв это, мы покажем, что великая

современная демократическая партия в целом делится на три фракции, образующие регулярный ряд. Его три ветви можно классифицировать в соответствии со следующей номенклатурой:

1. Ретроградная демократия – революционное мнение;
2. Иммунистская демократия, – доктринерское мнение;
3. Прогрессивная демократия, – миролюбивое и организованное мнение.

Параграф II.

Политические и социальные вопросы.

НО СНАЧАЛА давайте перейдем к определению значения, которое мы должны придать этим двум терминам: *политическим* вопросам и *социальным* вопросам. Если бы мы не сосредоточились на этой теме, то невозможно было бы понять что-либо в текущих тенденциях общественного сознания, об изменении состава Мнения и, прежде всего, о проблемах, которые сейчас требуют решения и уже глубоко беспокоят современных интеллектуалов.

В очень широком и общем смысле слово «*Политический*» обозначает регулирование всех сторон жизни Обществ. Со своей стороны, термину «*социальный*» легче придать такое широкое значение. Но в том узком смысле, в каком употребляются эти термины, слово политика на языке современных журналистов означает не что иное, как факты об отношении людей к правительству и правительств между собой. Природа, институты, конституция и состав Власти; её система и поведение; составляют содержание политических вопросов.

Изношенные дискуссии и теории, а также новые интриги, которые они продолжают возбуждать среди старых партий, составляют область того, что называется *Старой Политикой*.

Социальные вопросы, в отличие от политических вопросов, в первую очередь включают информацию о статусе, природе и экономике Общества; отношения между классами; институты собственности и промышленности; прогресс благосостояния, позитивной свободы, просвещения, интеллекта, морали и общественной добродетели. Одним словом, общие отношения между людьми и между нациями, независимо от преходящих институтов, текущего руководства и политики их различных правительств.

Параграф III.

Торжество демократического начала в политическом устройстве. Крах старой политики.

ТЕПЕРЬ дело обстоит так, что с 1789 года работа современного духа применялась почти исключительно к узкой политической арене. В экономических и социальных порядках, как мы уже показали, революция действовала только отрицательно и абстрактно. Она ниспровергла магистров, цеховых старост, привилегированные

корпорации и феодальную систему собственности; она избавилась от дворянства и духовенства; но взамен не создала никаких новых институтов. Она оставила отдельных людей и классы на произвол всеобщей борьбы, начатой этим ниспровержением. Она не создала никакой системы защиты прав слабых. Вся социальная и экономическая сфера, которая все больше опустошается нищетой, коррупцией, мошенничеством, пороком и преступностью, уступила место анархии и господству сильных.

Пока социальный вопрос полностью игнорировался, все усилия были сосредоточены на политических проблемах. Конституционные формы и повседневная деятельность правительства полностью занимали ведущие умы нации. В этой области они не остановились на разрушении старой административной системы и государственной конституции; они создали централизованную Администрацию и правительственную систему, основанную на выборах. Оба этих института поддерживают демократический принцип.

Таким образом, политический порядок оживился; его основа и институты были приведены в соответствие с современным духом. Равенство перед законом, административное единство и избирательная система национального представительства завершены, больше нет крупной реформы или, следовательно, какой-либо великой революции, которую можно было бы совершить или которой следует опасаться на политической арене. Поскольку эти достижения дали демократическому принципу возвышенное положение и демократическое право было установлено, единственная проблема с этого момента состоит в том, чтобы *регулировать, развивать и постепенно расширять осуществление этого права*, чтобы привести его осуществление в соответствие с развитием социального прогресса. Однако эти события должны обязательно следовать принципу и, следовательно, являются уже не важными, а второстепенными делами.

Именно потому, что политический вопрос теперь решен в его главных принципах и его основных предложениях, он стал иметь второстепенное значение; отныне на первое место выходят экономические, промышленные и социальные вопросы. Вот почему политические партии находятся в конфликте. Вот почему усилия представителей старых партий оживить старые споры, которые слишком долго сохранялись – тщетны и будут тщетны, поскольку они не расширят масштаба реформ. Вот почему политический вулкан, прежде изрыгавший потоки огня и горячей лавы, теперь, подобно мертвым исландским кратерам, вздымает лишь потоки тепловатой, зловонной, грязи.

Параграф IV.

Оцепенение и коррупция на политическом поле.

Старая политика умирает, уже мертва. Старые представители прессы по невежеству, привычке и гордыне продолжают проповедовать изношенную веру, умерший культ: пустую формулу, которая больше ничего не говорит Нации. С упорной слепотой некогда могущественных, они отказываются признать появление

социальных Идей или оживить общественное сознание великими принципами справедливости, свободы и человечности, хотя осуществление этих принципов и есть задача нашего века. Со своей стороны, массы, которые могут быть возбуждены только сильными идеями, не могут больше интересоваться жалкими интригами и жалкими сделками парламентской стратегии, которые предлагаются как единственная пища для их коллективных благородных инстинктов патриотизма и общительности. Разочарование, скука, и отвращение достигают своего апогея на этой политической арене, где в течение пятнадцати лет Реставрации все еще существовало энергичное и единое сопротивление. Общественное настроение впадает в сонливость, беспомощность и оцепенение, что расчищает путь господству богатства и нашествию коррупции.

Параграф V.

Переход на социальную территорию и пробуждение общественного духа.

Между тем, в то время как иссушающий ветер эгоизма и скептицизма подметает бесплодные опустошенные поля, покинутые Человечеством, потому что у него больше нет для сбора больших урожаев, поле социальных идей, тихо возделываемое давно безвестными тружениками, засеивается и покрывается растительностью. Оно становится с каждым днем все более посещаемым и оживленным местом встречи сильных умов, пылких сердец, новых поколений, словом, всех тех, кто чувствует любовь к человечеству, пульсирующую в его груди, и чувствует, что судьба народа идет к славному будущему.

Таким образом, наша эпоха является свидетелем угасания прежнего культа, отжившей свое время идеи, исчерпавшей свою формулу и давно утратившей свое важное содержание. Она свидетельствует о конце — жалком конце — политического движения, которое принесло свои плоды, испытало свою славу и триумф и поглотило несколько великих поколений, но чья главная миссия выполнена. Поскольку Человечество не собирается погрязнуть в разложении и не остановит своего поступательного движения, то и наша эпоха является свидетелем рождения новой веры, первой зари универсальной социальной Идеи, благотворные лучи которой оживят все возвышенные и религиозные чувства человеческой души и вскоре осветят самые прекрасные, обильные и святые места в мире.

Аспекты этого великолепного обновления, этого славного возрождения Человечества были предвидены или предсказаны с большим авторитетом всеми высшими гениями нашего века и с самых разных точек зрения, от де Местра до Фурье — главного гения человечества в наше время. В огромном одиночестве своих последних лет на скале Святой Елены, Прометей нашего времени, последний представитель гения войны, Наполеон, размышляя о будущем наций, провозгласил Судьбу современной Демократии быть федерацией Европейских наций и её неизбежный результат — окончательное установление гармоничного Мирового Единства.

Но кто такие де Местр, Фурье, Наполеон и другие умы такого масштаба по сравнению с теми умными политиками, которые каждый вечер составляют газетные статьи, которые страна почти не читает, и великими государственными деятелями, чья демагогия изображает Францию процветающей и славной!

Тем не менее, социальное невежество этих старых Политических Римлян не помешало развитию и распространению новых идей, и если вы хотите убедительных доказательств из самой парламентской арены, обратите внимание на это: многие депутаты признаются друг другу, что они на пределе своих политических возможностей — это их слова — и что они не могут двигаться дальше, пока не встанут, наконец, на почву социальных вопросов.

Параграф VI.

Старые политические партии сегодня *иммобилистичны* или *ретроградны*.

Разум, наряду с фактическими свидетельствами тенденций в современной мысли, указывает на то, что интеллектуальная деятельность переходит от старой конституционной политики к экономической конституции Трудовых и социальных Отношений.

Тем не менее, есть люди, газеты и партии, упрямо цепляющиеся за политико-парламентские разногласия, которых в наше время не интересуют всеобщие нужды, прогресс фундаментальных прав или широкие интересы Человечества. Они заняты различными схемами избирательной реформы, изменениями законов о цензуре, определениями преступлений, изменениями отбора присяжных и прочими пустяками сакраментальных статей и нелепых программ наших парламентских клик. Вместо того, чтобы приветствовать и изучать социальные вопросы, которые с каждым днем становятся все более насущными, они отбрасывают их, стараются скрыть или просто избегают заниматься ими. Эти люди, газеты и партии сегодня являются РЕТРОГРАДНЫМИ или ИММОБИЛИСТИЧЕСКИМИ людьми, газетами и партиями. Хотя они могут разбрасываться красивыми словами по типу *Свобода*, *Прогресс*, *Права Народа*, *Национальный Суверенитет* и т. д., и использовать их, чтобы сдобрить все свои речи и приправить все свои статьи, это направление идей, определяющее характер мнений. Те, о ком мы говорим, несмотря на их красивые слова, уже не имеют никаких жизненных идей и являются препятствием для подлинного социального прогресса. ⁽³⁾

Исходя из этих предположений, мы теперь перейдем к обзору основных категорий современного духа или более широкой демократической партии, которая во Франции включает в себя все общество.

³ Мы с радостью отмечаем, что со времени первого издания этой работы произошел прогресс. Права масс больше не игнорируются полностью. Всеобщая коррупция достигает апогея, и это совершенно очевидно для общественности. Страсть к социальным вопросам проникла в ряды старой политики, давая надежду на плодотворное обновление мнений.

Иммунилистская демократия, или Standpat-консервативная партия.

Параграф VII.

Доктринальная школа или систематический иммобилизм

Standpat-консервативная партия находится у власти во Франции после Июльской революции (прим. иммобилизм, как и «stand pat» - означает неприятие каких-либо изменений, неподвижность).

Эта партия боролась за демократический принцип; она работала над тем, чтобы включить его в конституцию и сохранить равенство перед законом. Даже сегодня она теоретически поддерживает современный демократический дух.

Тем не менее новая конституция представляет собой лишь переход между старым аристократическим Обществом прав, основанных исключительно на кровном происхождении, и демократическими институтами будущего. Однако, даже просто благословляя принцип равенства перед законом, эта партия получила политическую власть, социальный контроль, и решила, что принцип равенства выполнил свою работу. Либералы после пятнадцати лет Оппозиции становятся министрами; неразумно просить о чем-то большем.

Несмотря на свой ритуальный язык и нежелание, чтобы его считали отрекающимся от наследия и «принципов 1789 года», нынешние держатели власти оставляют неотложную работу сегодняшнего дня на неопределенное будущее. Эта теоретическая уступка с их стороны есть только обман, прикрывающий их эгоизм.

Доктринерская школа была стержнем этой Standpat-партии, сформированной фракцией лидеров старого либерализма, к которой присоединились бывшие процветающие революционеры, некоторые видные деятели высшей буржуазии и банков, а также все богатые болваны, которые всегда слышат 1793 год, когда лишь упоминают Прогресс. Эти люди находят вполне разумным вооружать народ против прежнего Дворянства, а затем самим извлекать выгоду из победы масс, монополизируя все социальные позиции, прежде зарезервированные за привилегированными по рождению, и осуждают как революционную и анархическую любую идею, предполагающую дальнейшие изменения в новом статус-кво!

Предполагается, что рабочий класс и большая часть Буржуазии довольствуются тем, что сменили хозяев и заменили дворянскую Аристократию буржуазной денежной Аристократией. Давайте послушаем первосвященника этого учения. В один из моментов министерского досуга, которые иногда случаются среди разногласий в палате, г-н Гизо писал:

«Сегодня, благодаря /победе доброго дела/ и даровавшему её нам Господу Богу, изменились ситуации и интересы. Нет больше войны между высшим и низшим классом, нет больше причин поднимать

знамя масс против элиты/. ... Не то, чтобы больше нечего/ было сделать, гораздо больше, чем думают самые честолюбивые, для улучшения социальных и материальных условий подавляющего большинства, НО отношения между низшими и высшими, бедными и богатыми теперь регулируются со справедливостью и великодушием. У каждого свои права, свое место, свое будущее» (Гизо. О современной демократии).

И в другом сочинении («Состояние души»):

«Следует ли отказаться от этой самой свободы, сегодня самой обширной и надежной, которую когда-либо знало человечество? Следует ли пренебрегать всеобщим продвижением справедливости и благополучия? Разве они не являются вознаграждением за труды и страдания нашего времени? Разве теперь, после стольких ошибок, не достаточно, чтобы угодить самым взыскательным и освежить самых усталых?»

Да, благодаря победе народа некоторые позиции изменились: и ваша, например, и ваших друзей. Но народ, нужды и интересы масс – скажите нам, какую пользу принесла для них эта победа? У каждого, говоришь ты, есть свои права, свое место, свое будущее. Чего вы не хотите признать, так это того, что внимательное изучение положения пролетариата обнаруживает, что каждый, далеко не имея *своих прав, своего места и своего будущего*, часто даже не имеет места в богадельне.

Иными словами, эти ужасные утверждения наводят на мысль, что все современные правительства Франции должны были быть охвачены беспомощным головокружением и слепотой!

Параграф VIII.

Систематический иммобилизм в качестве провокации.

Так нищета, скотство, материальные и умственные лишения, политическое и социальное рабство масс передаются из поколения в поколение! Каждый день паразитический валютный спекулянт одной крупной сделкой загребает больше золота, чем за целый год заработает сотня тысяч рабочих, чей труд кормит целую провинцию. Каждый день крупные капиталы, действуя как машины войны, нападают на мелких производителей и на саму буржуазию. Однако перед лицом этого отвратительного зрелища неравенства и экономических бедствий корифей иммобилизма, вождь этой слепой партии, победившей прежнюю аристократию одним только призывом к справедливости и правам всех, осмеливается сказать: *что каждый теперь имеет свои права, свое место, свое будущее!*⁽⁴⁾ Что взаимные

⁴ С 1843 года консерваторы, которых мы надеялись увидеть вступившими на путь прогресса, блистали на официальной арене лишь полным отсутствием идей и характера. Ясно, что все люди нынешнего официального мира неизлечимо слепы и парализованы. Теперь уже нельзя

отношения низших и высших, бедных и богатых *регулируются сегодня со справедливостью и великодушием!*

Вот что они говорят: Людям, двадцать пять лет проливавшим свою кровь на тысячах полей сражений и совершившим две Революции, чтобы завоевать права свободных людей, больше нечего просить у Общества и у Неба.

Массы погружаются во все возрастающую нищету из-за постоянного падения заработной платы; банкротства и коммерческие кризисы постоянно сотрясают экономическую арену; деньги господствуют над всем, все покупают, все сокрушают; а статистика преступности показывает, что цифры с каждым годом тревожно растут. Какое значение имеют эти несчастья? Гизо и его приятели — министры; разве этого недостаточно, *чтобы угодить самым взыскательным и освежить самых усталых!*

Но на самом деле можно подумать, что эти эгоистичные, холодные политики взяли на себя задачу довести страдающих людей до отчаяния и подтолкнуть их к новым Революциям. Осмелиться говорить о справедливости и великодушии, хвала Богу! когда неизбежная нищета тяготит 25 миллионов человек, труд которых производит почти все богатство Франции! И когда мы заметили, что такое великолепное положение вещей оставляет на будущее больше работы, чем допускают наши возвышенные вожди, вы все же говорите, что существующего положения вещей достаточно, *чтобы удовлетворить самых взыскательных и освежить самых усталых!*

Что здесь берет верх: гордость, жестокость или безумие? Это вопрос, который мы не должны решать, но мы можем только восхищаться и благословлять мудрость и терпение обездоленных масс, столкнувшихся с возмутительными провокациями своих слепых правителей.

Тем не менее, если идеи сегодня не будут развиваться быстро, если Буржуазия не поднимет повсюду свои великодушные голоса, чтобы протестовать против нечестивых доктрин эгоизма и провозгласить для низших классов права на Жизнь и Труд, за которые они так дорого заплатили; если народ вместе с Правительством должен отчаиваться в прогрессе, завтра возродится гражданская война, и нам не останется ничего другого, кроме как приготовить оружие ...

Параграф IX.

Раскол в Консервативной партии. Создание прогрессивно-консервативной партии.

ожидать ничего, кроме мощного движения общественного мнения, проникнутого чувствами Французской революции и зажегшего факел социальных идей.

Но, слава Богу и благородным чувствам века, Школа доктринеров-иммобилистов находится в конфликте. Основные благоприятные события происходят в сердце Консервативной партии.

Внутри неё есть два подразделения, которые в будущем ещё больше разойдутся: прогрессивные консерваторы и фракция, которую выдающийся г-н де Ламартин называет «Standpat».

Когда Консервативная партия построила дамбу против революционного потока, сдерживая насилие или всеми силами поддерживая Европейский Мир, мы говорили: «Честь консервативной партии». Эта партия мужественно выполнила первую часть своей задачи и своим успехом оказала услугу Цивилизации и Человечеству.

Но если мы добровольно признаем, что Сопrotивление было славным и законным, пока Общество билось в конвульсиях, мы без колебаний объявим это Сопrotивление незаконным и абсурдным, когда Общество вернулось к состоянию мира и порядка. Теперь сопротивление представляет собой просто систематическую и слепую оппозицию всем применениям справедливости и свободы.

Число консерваторов, разделяющих наши взгляды на этот счет, с каждым днем становится все больше. Раскол намечается и расширяется все больше и больше в сердце старой партии. Подавляющее большинство отвергает чистый доктринерский дух, и, возможно, сам лидер Школы колеблется. Г-н Гизо, которого мы считали символом и олицетворением жестких правительственных тенденций, больше не пользуется симпатией Палаты. С тех пор, как он служил министром просвещения, его поддерживали не друзья, а враги г-на Тьера. Во Франции это все те, кто боится войны из-за ее характера, а также из-за ее глупых расходов. В силу этого мы и принимаем, за неимением лучшего, служение г-на Гизо. Словом, консервативная партия уступает Гизо. Она больше не видит в нем своего представителя. Это общее отвращение к доктринам министра, несмотря на его замечательный талант и личное уважение, является желанным симптомом прогрессивных тенденций парламента.

Тьер, этот вечный соперник лидера доктринерской школы, не разделяет систематической антипатии Гизо к прогрессу, но в равной степени не заслуживает прогрессивного титула. В истории, как и в политике, г-н Тьер ни во что не верит, ничем не дорожит и ничего не уважает, кроме успеха. Тьер олицетворяет только неугомонное честолюбие и парламентские интриги. Он глубоко скептичен, чтобы быть готовым к любому внезапному обращению, на него не может рассчитывать никакое мнение, и ни одна партия не верит в него, если только это не партия оболваненных. Поэтому нам не нужно беспокоиться о Тьере при рассмотрении современных мнений, поскольку г-н Тьер не представляет никакой идеи или мнения.

Таким образом, Школа Standpat, или систематическое Сопrotивление, не имеет такого большого количества опытных политиков, как нам может показаться. Если

мы исключим свиней, честолюбивых заместителей и верховных баронов банка, то останутся только дрожащие, эти добрые люди, которые утверждают, что сегодня мы жили бы в лучшем из миров, если бы не инакомыслящие, никчёмные парни и утописты.

Здоровая часть консервативной партии поддерживает прогрессивную и организационную Демократию. Они начинают сочувствовать страданиям масс и приветствовать идеи, которые могут привести к улучшению положения людей без ущерба для уже достигнутых прав. Людям с таким складом ума недостает только великой страсти, священного огня Человечества и Науки прогресса. Мы должны взволновать их и воспитать.

Параграф X.

Раскол в изданиях старой консервативной партии.

Внутреннее движение, которое мы отметили в сердцевине консервативной партии, обязательно находит отражение в ее журналах.

«Журнал дебатов», стараясь сохранить симпатии и клиентуру обеих фракций, нарисовал в своих колонках партию огромных размеров, чтобы каждый мог найти там политику по своему вкусу. Если останется место на нижних местах журнала для *Защитника бедных*, он выводит на первую страницу яркого апологета финансового Феодализма. Спекулянт, напуганный ярким изображением страданий бедняков или смелым обращением к богатым благотворителям, быстро успокаивается, прочитав в верхней колонке великолепное ходатайство перед Народом о прибылях большого банка. Но если, по Евангелию, один и тот же раб не может служить двум господам, то результатом Янусовой политики этого журнала является то, что споры происходят повсюду, несмотря на умные и действительно прогрессивные статьи, которые он иногда содержит благодаря здоровой фракции среди своих Редакторов.

Пресса, более передовая, смелая, умная и более свободная в своем направлении, чем «*Журнал дебатов*», легко заменит газету прогрессивных консерваторов. *Пресса* осуждает иммобилизм и призывает правительство перехватить инициативу в социальном прогрессе. Это часто напоминает нам, что династия, созданная Июльской революцией, имеет особую миссию по организации Демократии.

Пресса оказала большую услугу Правительству, оттянув от Оппозиции толпу интеллигентов. В интересах Консервативной партии она уравнивала и смягчала ошибки эгоистической политики, олицетворяемой лидером доктринерской школы.

«*The Globe*», журнал, основанный для поддержки рабства, сохраняет свой статус официального монитора Standpat-консерваторов. «*The Globe*» смело взялся за дело, которое он выполняет с энтузиазмом, но энтузиазма недостаточно, чтобы возродить проигранное дело.

Нас не интересовали те журналы систематической оппозиции, которые крутятся вокруг какого-то отрицания или политического деятеля с пустым мнением, или бесконечно спорят о парламентских интригах. Эти журналы больше не представляют никаких Мнений; они ничего не делают, только поднимают пыль.

Если наше Общество и дальше будет переживать великие катастрофы, повторяем мы, эти катастрофы будут результатом того, что Консерваторы-иммобилисты останутся у власти. Если, как мы надеемся, оно вскоре встанет на путь, наоборот, регулируемой, мирной, Организационной Демократии, оно пойдет туда вместе с прогрессивными консерваторами.

Ретроградная демократия, или революционная партия.

Ретроградная, революционная демократия делится на две совершенно разные, даже враждебные фракции: одна *политическая*, другая *социалистическая*.

Параграф XI.

Чисто *политическая* партия ретроградной демократии

Первая фракция состоит из тех, кого считают крайне левыми, и остатков республиканской партии 1832 и 1834 годов. Она считает себя наследницей политических доктрин Конвента, хотя и утратила — по крайней мере, в своих журналах и своих лидерах — то, что прославляет традицию великих чувств Ассамблеи, и она вдохновляется только ее худшими традициями.

Их газета — «*National*», журнал глубоко ретроградный, враждебный общественному прогрессу, враг всякой новой идеи и упорно осуждающий всех тех, кто стремится освободить рабочий класс методом мирной Организации Труда.

Standpat-консерваторы, испытывающие не больше любви к социальному прогрессу, чем люди из «*National*», всё-таки допускают обсуждение таких вопросов из-за своей преданности свободе. Но политики из «*National*» едва терпят эти дискуссии, и ведут их с крайней досадой и постыдно, а иногда даже пытаются спровоцировать нападки на них со стороны ненавидимой ими Власти. Таким образом, лидеры этой партии показывают, какая свобода была бы предоставлена прессе, дискуссиям, интеллектуалам и прогрессивным идеям, если бы неудача Франции позволила политической власти попасть в их руки.

Свержение нынешнего Правительства — единственная цель их жалких усилий, единственная идея их политики. Свергнуть правительство, чтобы захватить власть; вовлечь Францию в войну со всеми европейскими монархиями; создать 45 миллионов вооруженных врагов на наших восточных и северных границах, пытаясь завоевать Рейнскую область и Бельгию; «*Бросить на поля революционных сражений наиболее бойкую и искреннюю часть пролетариата*» (цитата из *National*.), снять все экономические ограничения: таковы основные политические пункты, которые эти слепцы предлагают для восстановления достоинства и благополучия французского

народа! Всеобщее избирательное право, которое они смело защищают в его анархической форме внезапного, тотального введения, является революционным инструментом, рычагом, с помощью которого они надеются осуществить свои великие планы.

Что касается их политической доктрины, то философия их системы (если можно так выразиться) состоит в замене наследственного монарха временным магистратом в качестве главы Государства. Это их великая политическая и социальная панацея! Только если Франция согласится избирать своего монарха каждые четыре года, который будет установлен в Тюильри вместо наследственного короля; типа президента, назначаемого на четыре или пять лет, который будет выборной и временной должностью, как бывший регент, который сделал Испанию такой счастливой, наступит эра счастья, свободы и справедливости! Невероятно, что с четырехтысячелетней историей и примерами существующих республиканских режимов на наших глазах, например, в Швейцарии или по всей Америке, могут все еще быть люди настолько глупые или ребячливые, чтобы основывать процветание Франции на такой простой перемене в структуре правительства.

Этот кружок без идей и дальновидности, который упрямо отказывается принимать во внимание Организацию Труда, эти люди, мертвые для прогресса, не хотят смотреть вперед. Они не могут понять, что война есть характерная черта варварских времен, что в гуманных Обществах гений производительной, изобильной промышленности заменяет разрушительный гений завоеваний и революций, что регулируемая и справедливая организация Мира и Труда является великим вопросом, главным вопросом века. Эта партия, давно сбившая с курса «Tribune» и «National» и в которой еще есть молодые, великодушные, горячие души (и они, несомненно, рано или поздно перейдут на сторону лучших идей), представляет собой *исключительно политическую* фракцию революционной Демократии. ⁽⁵⁾

Параграф XII.

Социалистическая партия ретроградной демократии

Вторая фракция, *социалистическая* фракция революционной Демократии, которая очень отличается от чисто политической фракции, более продвинута, чем последняя, в том, что она отдает приоритет социальной реформе перед реформой государственной.

Её лидеры — сильные люди, смелые духи, возмущенные несправедливостью и бесчеловечностью. К экстремизму их принудили апологеты нынешнего порядка.

Эти люди видят, как перед их глазами разворачивается жестокая и бесконечная экономическая борьба, настоящие гражданские войны, где слабые неизбежно

⁵ После многих уверток «National», недавно начавшая откровенную и благородную атаку на финансовый феодализм, теперь, по-видимому, лучше понимает огромное значение социальных идей в нашу эпоху, значение, о котором «Reforme» всегда ясно говорит.

должны погибнуть, массы должны быть обращены в коллективное рабство из-за господства денег, крупные капиталы наступают на мелкие, пролетарии и бедняки с каждым днем увеличиваются в числе, а вся нация покрыта обширным саваном коррупции и нищеты. Они видят, как весь продукт общественного труда течет в казну биржевых спекулянтов, чья паразитическая промышленность не увеличивает национального богатства ни на один сантиметр; они слышат, как счастливицы, люди, обладающие богатством, положением и властью, восклицают перед лицом этих беззаконий: «*В свободной экономике положение и состояние являются знаками и наградами труда и способностей (или даже добродетели!), и нищета больше не будет угнетать никого, кроме ленивых и безнравственных*». Эта тирания Капитала и Земельной Собственности (которая привела к такой гнусной и отвратительной эксплуатации в Ирландии, что глава Тори недавно в полном составе Парламента признался в преступлениях против собственности!) вызвала у социалистов благородное негодование. Эти люди считают сам институт собственности ответственным за все бедствия нынешней системы и все беззакония нашей извращенной экономической организации. Полагая, что это вечный корень презираемого эгоизма, они повторяют ретроградные проклятия Руссо в адрес первого человека, который, возделав и огородив поле, сказал: «*Это мое*». Они радикально отрицают право Собственности, определяя Собственность как кражу, и добиваются ее отмены.

Руссо был последователен в своем ретроградном учении, в своем отрицании Собственности: он довел его до самой зверской Дикости. Логично, что он также проклял искусства, науки и прогресс; он предал анафеме саму мысль. Он, конечно, знал, что понятие Собственности есть формальный элемент человеческой индивидуальности и что устранить его, не разрушив этой индивидуальности, невозможно, поскольку человек не был бы уже человеком, если бы прекратилось мышление, высшее человеческое свойство.

Мы не должны думать об упразднении Собственности; её развитие тесно связано с развитием самого Человечества. Она вывела человека из состояния дикости и неоднократно давала ему многие блага, созданные его великолепным гением в искусстве, науке и промышленности. Наоборот, мы должны обнаружить и внедрить Собственность в институты более совершенные, надежные, свободные, подвижные и в то же время более *социальные*, путем гармонизации индивидуального и общего интереса во всех сферах. Мы должны создать коллективную собственность не через распушенность, хаотичную и варварскую *Эгалитарную Общность Благ*, а скорее через *Иерархическую Ассоциацию*, добровольное и разумное сочетание всех индивидуальных свойств.

Таким образом, отрицание права Собственности является ретроградной идеей. Более того, поскольку она отрицает огромный общественный и человеческий интерес, она является революционной идеей. Однако мы должны сказать с самого начала, что люди, разделяющие этот отрицательный лозунг, разделяются на два совершенно различных лагеря. С одной стороны — Английские Оуэнисты,

Французские Икарыйцы и Коммунитаристы разных типов, отвергающие всякое обращение к насилию и полагающиеся только на время и убеждение для успеха своих учений: это *чисто социалистические* Коммунисты. С другой стороны, некоторые Чартисты и вдохновленные Бабефом коммунисты полны решимости совершить великую Революцию. Они утверждают, что общность благ может быть достигнута и обеспечена только с помощью военного положения, и что эгалитарное выравнивание должно поддерживаться железной рукой. Последние являются *политическими коммунистами*.

Резкие нападки школы Сен-Симона на легитимность наследования недавно пробудили и разожгли эти антисобственнические доктрины, которые быстро и незаметно распространяются в Обществах недовольных. Правительства не могут предотвратить разрушительную силу этих доктрин, кроме как путем устранения их причин, потому что они представляют собой просто крайние протесты против бесчеловечного и одиозного экономического режима, который перемалывает Трудящихся под гигантским жерновом Капитализма. Правительства и высшие классы поступили бы мудро, если бы быстро признали права рабочих, чтобы они примирились с Собственностью. Единственное средство, единственный здоровый путь — это Ассоциация Труда с преимуществами Капитала.

Если у эгалитаристов есть дефектное решение социального вопроса, то, по крайней мере, как мы сказали, они хотя бы понимают его первостепенную важность. Они также решительно отвергают доктрины политических революционеров. Некоторые из их лидеров поссорились с «*National*» и заявили, что считают его Республику и Всеобщее избирательное право, пока массы остаются необразованными и обездоленными, просто процедурами эксплуатации Народа небольшой Аристократией буржуазных и республиканских диктаторов, и ничего более.

Параграф XIII.

Законные принципы каждой стороны

Умные люди не станут присоединяться к совершенно ошибочному делу. У каждой стороны есть своя цель и законный принцип. Их недостатком является их исключительность, их отрицание других принципов: но они обычно здравы в тех принципах, которые утверждают и защищают.

Давайте рассмотрим их законные стороны, изучив различные категории демократического мнения — современный нрав, — который мы только что в общих чертах обрисовали.

Иммунистская Демократия кажется поистине невежественной, слепой, эгоистичной и несправедливой, игнорируя права и интересы, стремящиеся к признанию и требованиям прогресса. Но она законна, поскольку представляет в обществе и человечестве принцип *Стабильности, Сохранения и Сопrotивления*

неумеренным движениям к ложному прогрессу, этим насильственным, революционным импульсам политических или социальных ретроградов.

Стабильность в социальной сфере — первое из двух условий нормальной жизни общества; второе — это Прогресс.

Порядок, каким бы несовершенным он ни был, и сохранение приобретенных прав и существующих интересов являются столь же важными и священными элементами общительности, как признание и продвижение новых интересов и прав.

Когда некоторые люди в Обществе яростно нападают на Порядок или приобретенные права, достаточно легко найти других, приверженных исключительной защите этих прав и Спротивлению всем изменениям. Обычно заблуждающаяся и ограниченная партия не развивается в социальной среде, не создавая по закону антагонизма ошибочной и ограниченной противоположной партии.

Буржуазия, восторжествовавшая в 1830 г., была либеральна в своих принципах и в основном еще крепко связана с общими идеями современной Демократии. Она, конечно, не была философски враждебной к свободе и прогрессу. Именно в ответ на насилие и беспорядки республиканцев в их рядах развилась целенаправленная насильственная политика Спротивления. Это создало сильную плотину против стремительного потока.

За усмирением республиканских вспышек вскоре последовала трансформация консервативной партии, и несомненно, что, если вспыхнет новое революционное насилие, иммобилисты вскоре превратятся в небольшую группу слепцов, лишенных всякого влияния на общественное мнение и тенденции общественного интереса.⁽⁶⁾

Революционная Демократия, хотя и нелегитимна в своих негативных и подрывных методах, легитимна в своих требованиях политических прав масс, которые лидеры господствующих политических групп *даже не признают в принципе*. И она также легитимна в своей поддержке социальных прав на жизнь, свободу и прогресс, *непризнанные в принципе* и отрицаемые на практике мрачной социальной Системой, которую оппозиционная партия стремится увековечить.

Наконец, старая роялистская партия, которая долгое время сопротивлялась демократическому направлению современного Общества, тем не менее представляет законный элемент, который очень важен в жизни обществ: элемент исторической Традиции, унаследованная связь между будущим и прошлым. В эту партию входят потомки людей, которые дали Франции ее нынешние границы и создали ее независимость и национальность. Эта партия, пропитанная

⁶ Однако они все еще отстают в продвижении вперед; Консерваторы, правящие Францией, скоро доведут бедствия во внутренних и внешних делах до такой степени, что полностью узаконят революционный дух (1847 г.).

похвальными чувствами национальной гордости и воинского величия, придерживается в высшей степени благородного принципа Верности.

Следовательно, в основе каждой партии лежат законные человеческие и социальные принципы, хранителями которых эти партии действительно являются. Только из-за своих стоящих аспектов партия может привлекать новых членов. Лишь хорошие элементы, оправданные позиции могут привлекать и привлекают большинство, потому что люди — это люди, а не демоны. Люди идут туда, где видят хорошее. Они могут ошибаться в средствах, но никогда не преследуют зла сознательно и ради него самого.

Мы не должны тогда нападать на самые глубокие убеждения каждой партии и противопоставлять друг другу принципы и интересы, зачисленные под противоположные знамена.

На что мы должны напасть, так это на эгоистичных лидеров и бессодержательных ораторов, направляющих и эксплуатирующих эти партии, заставляющих их занимать узкие, исключительные и враждебные позиции, чтобы легче доминировать над партиями. Таким образом, каждая сторона является хранителем принципа, большого интереса или законного протеста. Искренние люди всех мнений должны стремиться не к успеху своей партии как целого, а к успеху легитимного принципа, лежащего в ее основе.

Прогрессивная демократия, или Партия мирного переустройства.

Параграф XIV.

Хорошие люди из старых партий объединяются на почве миролюбивой демократии

Нынешняя ситуация и умонастроения характеризуются прежде всего общим отказом от старого политического поля битвы и роспуском прежних партий.

Если оставить в стороне растущее коммунистическое мнение, краткий обзор современного мнения, который мы только что дали, теперь почти историчен, поскольку крайние партии быстро ослабли за последние десять лет.

Как мы установили, новый демократический дух сначала проявился в политической сфере. Поскольку она не без труда достигла господства, ее единственной заботой была борьба с устаревшими притязаниями *ancien Régime*. Можно было даже подумать, что политическая арена была единственным местом, где требовались реформы, чтобы все в мире шло хорошо. За таким ожиданием должно было последовать великое разочарование. Июльская революция была безусловной, но обманчивой победой. Политическая победа дает только столько; зло ещё остается внедренным в недрах Общества и неуклонно пожирает его. В последовавших за этим протестах и жестокой борьбе политическая территория по-прежнему была ареной. Эти схватки заканчиваются.

Теперь искренние, добродушные и великодушные люди бегут толпами с поля боя старых ссор; они покидают эти умирающие партии, в которых теперь задыхается любой человек с достойными чувствами и идеями. Из рядов бывших центристов, как и из различных оппозиционных партий, каждый день уходят люди, которые верят и даже заявляют, что время бесплодных дискуссий прошло. Они говорят, что мы должны отказаться от старых формул, заняться экономическими и социальными вопросами и работать на благо нации. Мы должны способствовать Ассоциации и братству классов, регулируя и организуя Труд, и Объединение наций, организуя весь мир во имя спокойного Мира. Стабильность и прогресс, мир, работа, организация, сохранение приобретенных прав, расширение и легитимация новых прав; это те формулы, которые уже повсюду звучат. ⁽⁷⁾

Если активность нации затухает на поле политической борьбы, она возрождается на благодатном и славном поле общественного труда.

Нация не переходит от старой идеи к новой, а от устоявшейся веры к новой за один день. Великие революции не происходят периодически и часто, кроме как во время перехода, безразличия, скептицизма и даже коррупции. Но Человечество выходит из этих временных кризисов с более сильной верой, более высокими надеждами и большим милосердием.

Поэтому из обломков старых политических партий возникают великодушные и мудрые, которые вырываются из толпы, постепенно рассеивают взаимную неприязнь и выводят ее в более высокую сферу, чтобы примирить различные принципы, за которые они слепо боролись.

Именно с этими освобожденными людьми, воодушевленными доброй волей и благородными целями, у нас есть сердечное желание говорить. Именно на этих аллювиальных равнинах, на этой хорошо подготовленной плодородной почве мы должны сеять семена будущего.

Эти люди, уставшие от нынешней сцены, не одобряют иммобилизм и экономические доктрины, направляющие развитие современной Демократии. Они ищут новую веру. Они еще говорят только об общедемократических принципах, унаследованных от революционной эпохи, но видят необходимость замены ошибочной политики органическими путями и методами. У них есть чистое сердце для задачи нашей эпохи; но у них еще нет своей Науки.

Это состояние ума резюмируется в формуле, которая сегодня эхом разносится от одного конца Франции до другого: *Общество не может оставаться таким, какое оно есть; наверняка есть другой путь.*

⁷ Прискорбное и постыдное направление, в котором в последние годы официальные представители консервативной партии проводят внутреннюю и внешнюю политику, пренебрегая достоинством Франции и принципами Революции, серьезно компрометирует эти тенденции и сильно оживляет борьбу на арене власти и чистой политики (1847).

Параграф XV.

Программа прогрессивной Демократической партии. – Истинная и ложная демократия.

Вот точки зрения и общие теории, которые символизируют общие убеждения людей, следующих этим новым путем.

Для них *истинная Демократия* — это полное признание прав и интересов каждого, а также их прогрессивная, разумная и эффективная организация. Она гарантирует и закрепляет уже приобретенные права, провозглашает легитимность всех ещё непризнанных прав, и добивается признания ущемленных интересов. Истинная Демократия есть для них упорядоченная организация мира и труда, развитие национального благосостояния и постепенное осуществление порядка, справедливости и свободы; короче говоря, это либеральная и иерархическая организация семей и классов в каждой *Коммуне*, *Коммунах* и *Провинциях* в нации и Ассоциации Наций в Человечестве.

Ложная демократия — это революционный дух; дух ревности, ненависти и войны; анархическая свобода; насильственное и алчное равенство; исключительный и доминирующий патриотизм; и жестокая, хаотичная, вооруженная и враждебная независимость.

Эти новые люди понимают, что истинная Демократия объединяет, организует, связывает, классифицирует, связывает, освобождает и уравнивает благополучие и физическое, нравственное и интеллектуальное развитие всех людей, всех классов. Они стремятся соединить все сильные стороны в гармонии. Истинная Демократия — это развитие братского духа в Единстве.

Ложная демократия разделяет, ниспровергает, разрушает, обедняет и покрывает землю руинами. Она настраивает классы друг против друга и людей против своих правительств; она увеличивает страдания, чтобы воспламенить революционное мышление; она вызывает и поддерживает ненависть ко всему Социальному превосходству; она вызывает систематическое неповиновение, подозрительность и восстание против всех Правительств; и, наконец, она разжигает массовые восстания и великие революционные войны в качестве единственного пути к спасению народов и Человечества. Ложная демократия сеет анархию и пожинает деспотию.

Прогрессивная и организационная миролюбивая Демократия и бурная и насильственная революционная Демократия суть два крайних случая, два противоположных выражения современного духа. Одна из этих версий включает в себя всё истинное, чистое, благородное, могущественное и гуманное в веяниях нового века; другая выражает то, что современная эпоха сохранила от прежнего жестокого и варварского духа. Первая освобождает, развивается и расцветает в лучах разума; вторая, которая была только великой мимолетной страстью, социальной яростью, - вызванной огромным страданием, постоянным злом и

глубокой нищетой, - с каждым днем слабеет, бледнеет и ослабевают, особенно в своих политических выражениях.

Согласно более новой, миролюбивой версии Демократии, это слово не означает «управление обществом силой низших классов». Это означает «Правительство и общественная организация в интересах всех, посредством иерархического участия в государственных должностях, занимаемых правомочными гражданами, число которых увеличивается вместе с уровнем социального развития». Народ — это не класс; это тотальность; и правительство не является слепым и хаотичным действием некомпетентных людей; это разумное и единое действие компетентных, - число которых должно постоянно увеличиваться благодаря социальному просвещению и действиям правительства.

Таковы общие принципы, общее кредо и принятые взгляды этого нового Мнения, которому суждено нести мирное и организационное знамя прогрессивной Демократии, если только эгоизм, материализм и недалёковидные правительства не заставят его в отчаянии присоединиться к зову революции и войны.

Если нас спросят, сколько людей во Франции уже разделяют это Мнение, мы ответим: подсчитайте число тех во Франции, которые теперь принимают принципы, которые мы только что изложили, и кто подписался бы под ними. Вы увидите, что число огромно.

И если нас спросят, почему это распространённое Мнение ещё не имеет большего влияния на мировые события, мы ответим: потому, что оно ещё не дисциплинировано, не имеет ещё широкой огласки и выдающихся ораторов. Оно распространяется и фигурирует во всех книгах, брошюрах и сочинениях интеллигенции нашей Эпохи, но всё ещё не имеет достаточно громкого голоса. Старые газеты, живущие политическими спорами и которые, подобно старым политикам, ничего не хотят забыть и ничему не могут научиться, не поддерживают этого великого интеллектуального развития; напротив, они выступают против и искажают его. - Чтобы основать свою первую ежедневную Газету, мы сейчас и поднимем наше мирное знамя.

II. – Доктрины журнала «Мирная демократия». «*Démocratie pacifique*» (1843-51)

Мы описали состояние общества и указали его потребности; мы описали состояние общественного Мнения и указали его тенденции. Теперь мы должны сообщить читателю, кто мы такие и что мы предлагаем.

То, что мы предлагаем, читатель уже знает из предыдущего обсуждения, потому что оно было написано под влиянием самих этих политических и экономических принципов. Но здесь мы кратко изложим их.

Кто мы, мы собираемся сказать вам откровенно.

Параграф I. Кто мы такие

Мы трудимся в безвестности, вдохновленные искренней любовью к Человечеству, считая всех людей братьями, особенно слабых и угнетенных, но даже тех, на кого мы нападаем наиболее резко за ошибочные идеи или несправедливую власть.

У большинства из нас с самых ранних дней была естественная склонность исследовать социальные и политические вопросы — те проблемы, которые имеют отношение к судьбе страдающих, которые, увы! составляют все Человечество. Результатом этих исследований стали глубокие убеждения, полные надежд и перспектив. Мы пытались поделиться ими с нашими согражданами, нашими сверстниками и нашими братьями и распространять эти убеждения на благо всего мира посредством свободного и мудрого голоса разума и прогрессивного, мощного и авторитетного опыта.

Мы не были писателями или журналистами; но мы стали писателями и журналистами, чтобы распространять наши убеждения, без сожаления отказываясь от своей карьеры ради призвания, которое мы считаем полезным и святым.

Сначала нас считали невинными мечтателями и утопистами. Мы продолжили наши усилия. Наши первые успехи повлекли за собой множество враждебных атак; мы не были избавлены от обвинений и несправедливых осуждений. Но мы продолжали идти. Наши убеждения поддерживали нас; любовь к Человечеству дала нам силы выстоять. Мы знали, что находимся на пути истины, разума и добра; и поэтому мы всегда настаивали. Наш первый принцип заключается в том, что человек создан для истины и добра. Поэтому мы были уверены, что постепенно завоеваем уважение и симпатию и привлечем к нашим взглядам людей доброй воли, добродушия и честных умов, которых гораздо больше, чем можно было бы предположить.

И мы не ошиблись. Мы говорим это искренне, потому что мы верим в это: благодаря нашей преданности, которую Человечество однажды вознаградит признанием, наши силы росли довольно быстро.

Параграф II. Разделение наших Трудов для увеличения наших сил

Общее представление о Судьбе человека

В современную эпоху великие обновления в человеческой мысли и социальных движениях происходят через книги и технические труды, где новая идея

выдвигается в научном, философском, художественном или религиозном дискурсе, в зависимости от обстоятельств; и через газеты, где общие принципы применяются к тем темам и повседневным проблемам, которые привлекают внимание общественности. Вот как сочинения философов, поэтов и экономистов прошлого и начала нынешнего столетия, вместе с газетами и трибунами ораторов, работали, чтобы обеспечить сегодняшнее успешное движение в политическом порядке.

Мы следовали за этим естественным прогрессом. И мы написали различные работы, будем продолжать писать их и стимулировать более серьезные работы, посвященные обновлению, в соответствии с великими принципами Ассоциации Человечества, Науки, Искусства и Философии; и развивать социальную реальность христианства, под которым мы подразумеваем Братство и Единство, высшие цели наших доктрин.

В то же время мы работали над тем, чтобы создать в мире общественного мнения платформу, без которой наши усилия были бы бесплодны, а наши идеи были бы неизвестны публике. Мы основали замечательное периодическое издание.

Созданное для популяризации Теории и Методов Социальных наук, это периодическое издание представляет собой, по сути, обзор, объясняющий образованным людям, в основном с Научной точки зрения, идеи великого Гения, чьи просвещенные открытия лежат в основе всех наших усилий, *Шарля Фурье*.

У нас есть общенаучная концепция Судьбы Человечества. Мы верим, что Человечество, движимое дыханием Божьим, призвано создать все более крепнущую Ассоциацию индивидуумов, семей, классов, наций и человечества, составляющих ее элементы.

Мы верим, что это великое объединение человеческой семьи достигнет совершенного ЕДИНСТВА, под которым мы подразумеваем Социальный Статус, при котором Порядок возникает естественно и свободно в результате спонтанного согласия всех человеческих элементов.

Этот теоретический взгляд представляет собой общую концепцию универсальной Жизни, применимую к прошлому, настоящему и будущему Обществ. Таким образом, он включает взгляды на Историю, на современную Политику⁽⁸⁾ и на конечную Организацию Обществ.

Наше периодическое издание, по своей основной цели и своему характеру еженедельного обозрения, освещает все три из этих тем, и особенно последнюю.

Рост нашего движения привел к упрощению нашей работы путем разделения обязанностей и разделения субъектов. «Фаланга», став почти ежедневной газетой, должна, естественно, заниматься текущими, практическими и социально-экономическими вопросами, оставляя книгам и специальным брошюрам

⁸ Слово «политика» здесь понимается в его общем смысле.

теоретические разработки, связанные с теми высшими социальными институтами, которые мы можем считать наиболее совершенными, но далекими от состояния нынешних институтов. Кроме того, только текущие вопросы могут привлечь внимание общественности в часто и регулярно выходящей газете, которая предоставляет наилучшие возможности для обучения и инициирования новых идей.

Этот прогресс произвел впечатление на движение, благоприятное для наших идей и мнений. «Фаланга» становится все более и более доступной для интеллектуалов, которые не знают или не разделяют наши основные доктрины. Общественность все меньше и меньше воспринимает ее как газету, написанную утопистами и рассчитанную на посвященных. Люди, которые наиболее предвзято настроены против нас, начали ценить и одобрять нашу Политику и Социо-экономику. Это просто практическое применение наших общих принципов Ассоциации, Организации и Общительности для решения текущих проблем. Следовательно, те, кто ценит эти решения, мало-помалу признают достоинства наших принципов и начинают с симпатией относиться ко всему спектру приложений.

Параграф III.

Нейтральная и независимая площадка, на которую мы призываем всех прогрессивных мыслителей

Таким образом, независимо от другой нашей работы, мы превратили старую «Фалангу» в почву, на которой все хорошие интеллектуалы, умеренно прогрессивные мыслители и искренние люди различных политических фракций, философий или религиозных убеждений могут кивнуть нам, сохраняя при этом свои оговорки в отношении теорий, о которых они ничего не знают или которые поддерживают лишь в ограниченной степени.

Чем больше мы приведем всех на эту почву, которая будет основой «*Мирной Демократии*», тем быстрее и вернее мы будем продвигать великое дело человеческой Общительности и АССОЦИАЦИИ, которое является нашей конечной целью.

Наша задача, как апостолов идеи, которая, как мы верим, ведет к процветанию, здоровью, миру, будущему Счастью и свободе Человечества, состоит в том, чтобы максимально расширить эту территорию, чтобы обеспечить легкий доступ для тех, кто придерживается всех убеждений, и особенно для тех, кто все еще критикует наши мечты о будущем.

Теперь мы повсюду слышим, что общественность не шокирована и не напугана нашими идеями или принципами, поскольку, когда мы применяем их к *текущим проблемам, используя обычный язык*, они считаются полезными и разумными. Что пугает и отталкивает, так это *технические термины, те формулы*, которые считаются нашим *научным жаргоном*.

Поэтому в ежедневной газете, которая, как мы надеемся, дойдет до многих читателей, дабы побудить тех, кто сейчас застрял в узкопартийном мышлении, к нашим широким идеям Организации, всеобщего Мира и Ассоциации, мы должны избавиться от этих технических терминов и формул, которые имеют место в специализированных работах, в научных статьях в «Revue»⁽⁹⁾ и даже, в определенных пределах, в «Разных статьях» в ежедневной газете под рубрикой «Философское, литературное или социальное исследование».

По этой причине, представляя «Фалангу» в качестве ежедневной газеты, благодаря полученным нами ресурсам и самоотверженному сотрудничеству многих сторонников, разделяющих наши политические и социальные взгляды, мы выбрали название, которое, казалось бы, менее экзотичным и более понятным для публики.

Параграф IV.

Причины изменения названия «Фаланги»

Это изменение имело свою цену. Под названием «Фаланга» мы добились искреннего уважения и уважения даже среди тех, кто не разделял всех доктрин журнала. Мы имели удовольствие видеть, что каждый год приносит большее признание, отзывы со стороны и бескорыстную похвалу – за его дух истины, справедливости и абсолютной беспристрастности; за мудрость и искренность его политики; и за актуальность его социальных исследований.

Но название, взятое из нашей собственной технической терминологии, многих смутило. Многие по-прежнему считали, что нужно быть посвященным в фаланстерские исследования и доктрины, чтобы читать и понимать журнал под названием «Фаланга», и что чтение этого журнала было равносильно одобрению теорий, которые были описаны в нелепых и ложных терминах невежественными и злонамеренными журналистами.

Название «Фаланга» особенно подходило для журнала, который в первую очередь занимался институтами и органическими законами социальной системы. Его можно было бы надлежащим образом снова использовать в обзоре, посвященном конкретному изучению этих основных вопросов, но он не подходил для того, во что превратилась «Фаланга». Появляясь три раза в неделю, теперь он был сосредоточен на разработке своих принципов с точки зрения текущих проблем.

Для успеха наших принципов и для расширения круга читателей нашей ежедневной газеты, которая должна иметь как можно более широкий радиус действия и нести *каждому* весть о Мире, Ассоциации, Человечестве и Будущем,

⁹ Мы планируем, как только успех нашей ежедневной газеты будет обеспечен, основать «Social Science Review», в котором самые специализированные научные вопросы будут рассматриваться более глубоко, чем в «Phalange» за последние три года. – Этот обзор выходил ежемесячно с января 1845 г. в формате большого октаво под прежним названием LA PHALANGE (прим. от 1847 г.).

имело значение, чтобы издание не показалось никому, даже ошибочно по узкому толкованию его названия, газетой светской секты, крошечной церкви, заключенной в свои формулы, жаргон и частные ритуалы.

По этой причине мы должны были выбрать для журнала, который мы предназначаем для всех, название, взятое из языка каждого, в общепринятой идиоме нашего века. Мы хотели, чтобы это изменение названия послужило официальной рекламой для общественности о том, что наша газета находится на территории, доступной для людей доброй воли и разума, без необходимости какой-либо доктринальной подготовки. Все люди порядка и прогресса, друзья свободы и справедливости для всех, смогут присоединиться к нам.

Как только решение об изменении было принято, мы не долго колебались в выборе нового названия.

Параграф V.

Причины выбора названия «Мирная Демократия»

Вдохновленный самыми неоспоримыми принципами Христианства и философии, человеческий дух теперь начал свое продвижение *во имя прав всех людей*, чтобы постепенно осуществить освобождение слабых, страдающих и угнетенных, а также Мир и Ассоциацию народов, чтобы окончательно установить царство Божие и Его справедливость, провозглашенные восемнадцать столетий тому назад Христом.

Это великое движение современного духа, которое с каждым днем становится все более самосознательным, можно охарактеризовать словом *Демократия*.

В своей универсальности, и в том миролюбивом, великодушном и организационном значении, которое оно привнесло, особенно в последнее время, в национальные дебаты, где его охватывают все оттенки мнений, и в трудах уважаемых мудрых и прогрессивных журналистов, это слово суждено стать лозунгом нашей эпохи, знаменем великого движения, возрождающего современные общества. Поскольку мы верим, что нашим принципам суждено возглавить это движение, мы должны нести его знамя.

Слово «*Демократия*» — самое глубокое, универсальное и сильное слово в современном дискурсе, единственное, имеющее многообещающее будущее в серьезных дискуссиях. Насколько ошибочно скрывать его силу из-за того, что его продолжают использовать революционные партии, чтобы вызвать к себе уважение со стороны самых крайних консервативных партийных ораторов и журналов. Это наблюдение является решающим.

Это слово трактовалось и до сих пор трактуется сторонами по-разному, часто ошибочно и опасно. Политическая и социальная загадка представляется всем в одних и тех же терминах, но никто не знает, как разрешить эту загадку. Таким образом, появляются ложные решения с фатальными последствиями.

Чем могущественнее слово в сознании масс, тем большим ему суждено стать, и тем важнее для общества, чтобы массы не впадали в его гибельные толкования.

Революционные партии сегодня используют слово «*Демократия*» как знамя революции и войны, большую палку, одни против правительства и политического порядка, другие против собственности и основ общественного порядка.

Мы должны изъять это оружие из их рук; обязаны унести это знамя. Палка и знамя войны должны быть превращены в орудие и знамя мира, организации и работы.

Однако атака, которую мы должны предпринять против революционной демократии, является атакой чисто интеллектуальной. Не дай Бог, чтобы мы когда-либо выступили против каких-либо доктрин [при помощи] слепого подавления или материального оружия Власти. Мы должны выиграть войну идей. Народ должен свободно судить соперников. Мы должны показать и убедить, что те, кто сейчас агитирует за бесправную победу, обманывают и эксплуатируют массы, что истинные демократы — это верные друзья народа, которые не подстрекают его к бунту и войне, а учат его социальным правам, требуют его признания и добиваются его мирным путем организации.

Только сегодня мы можем предложить народу эту перспективу и убеждение, потому что для этого нужно иметь представление и понимание прав и будущего народа, которые превосходят представления этих ложных друзей и их политических противников.

Короче говоря, именно потому, что мы чувствуем себя сильными, мы будем энергично хвататься за слово «*Демократия*» и отнимать его у тех, кто злоупотребляет им.

Это смелый шаг, и это также умный ход, потому что мирная и организационная интерпретация, которую мы каждый день будем громко и ясно давать слову, одухотворяющему все горячие и щедрые сердца, сплачивает всех, кто искренне любит народ, и будоражит массы, что будет большой услугой обществу. Все общество признает нас за это. Под нашим знаменем пойдут защитники свободы и эмансипации, молодежь, стремящаяся к прогрессу, и искренне демократические души, не путающие Демократию с ненавистью. Что же касается Stanpat - консерваторов, то мы заставим их признать это слово, поскольку оно служит общей цели социальной стабильности или порядка, на что сами они неспособны. ⁽¹⁰⁾

Наконец, чтобы закончить с нашим заголовком, добавим, что все люди могут иерархически участвовать в управлении обществом, как только оно универсализирует благополучие, разовьет все способности и объединит все интересы. Слово «*Демократия*», даже в его прямом этимологическом смысле, означающем управление всем при участии всех, характеризует **Социальное**

¹⁰ *Stanpat-консерваторы убедили нас, что если нам есть что от них ожидать, то это не что иное, как признание (1847 г.).*

Государство, которое является самым передовым, чего может достичь человечество, и охватывает наши самые широкие идеи. Наиболее важной функцией Человечества, когда оно достигнет своего полного развития в будущей Гармонии, безусловно, будет **самоуправление**.

Это слово указывает на проблему нашего времени, на освобождение рабочего класса, и в то же время оно заключает в себе широчайший прогресс для Будущего. Мы не могли бы найти более сильное и более подходящее название для этих времен.

Чтобы завершить общее изложение политических и экономических доктрин «Мирной Демократии», нам нужно только обобщить принципы, которые вдохновили эту работу.

Мы сделаем это, взяв за основу лозунги, начертанные на баннере нашего журнала.

Братство и Единство

Vos omnes fratres estis,
Ut omnes unum sint

Мы вписали эти два слова в высший ранг, эти два откровения Христа, братство и *единство*, которые являются альфой и омегой общественной науки, основанием и вершиной всякой великой гуманной политики.

«Вы все братья, дети одного Бога, члены одной семьи». «Вы должны стать единым телом, одной единственной душой, одним единым разумом и быть единым с Богом». Каждый закон, религия и откровение социальной политики и человеческой Судьбы резюмируются в этих словах.

Мы взяли эти слова из Евангелия, потому что именно Евангелие открыло миру просвещение и высшие Истины, которые в нем содержатся, и потому что мы хотели продемонстрировать акт веры в эти социальные и религиозные Истины, которые являются базовыми и вершиной самого Христианства.

Христианство - великая Религия Человечества. Христианство может развиваться дальше, и оно, безусловно, всегда будет продолжать развиваться. Верить, что когда-нибудь будет Религия Человечества, отличная от той, которая открыла свое существование и свое Единство в себе и в Боге, — это иллюзия. *Индивидуальный и коллективный Союз между людьми и их индивидуальный и коллективный Союз с Богом*: никогда не будет для человечества иного более возвышенного принципа. А этот принцип является Христианским. Таким образом, с научной точки зрения чистого человеческого разума мы знаем, что Христианство, возникшее из Творения, станет, с бесконечным развитием, совместимым с его принципом, последней Религией и единственной универсальной Религией Человечества.

В последнее время люди пытались создавать новые Религии. Они считали Христианство законченным, мертвым и похороненным и хотели заменить его,

чтобы общество не осталось без Религии. Идея была благонамеренной, но ошибочной.

Христианство не умерло, это далеко не так. Никогда еще дух христианства не был более живым, широко распространенным и вообще свойственным интеллектуалам.

Современный политический и социальный менталитет в своих лучших проявлениях есть не что иное, как чистый дух Христа. Даже сам Вольтер, когда он с таким святым и беспощадным гневом обличал злой дух Войны и Резни; пронизывая всех типов угнетателей, узурпаторов и хулиганов с пронизательным сарказмом; и требуя прав для Человечества со всей своей нравственной силой, - кем он был, как не одним из самых могущественных апостолов Христа, проникнутым и побежденным тем самым духом Христа, над которым он насмехался?

Видели зимой старый дуб, лишенный ржавых листьев; один видел, как падают сухие ветки; и думали, что почтенный дуб был ранен в самое сердце и умирал. Но пожелтевшие листья опадают, уступая место новым листьям. Каждое время года имеет свои цветы и свои плоды. Временные и изношенные выросты увядают и отмирают; но основа вечная. Христианство, разорвавшее цепи рабов и давшее женщинам и детям первый шаг к свободе, выполнило пока только первый набросок своей задачи.

Религиозное Единство

Религиозное Единство включает в себя все остальные Единства. Мы верим, что человечеству суждено достичь всех Единств: политических, социальных, производственных, научных и т. д. Но ясно, что оно не сможет достичь религиозного Единства, синтезирующего все остальные Единства, кроме как постольку, поскольку они развиты и актуализированы.

Если и существует сфера, по своему существу свободная, то это, несомненно, сфера совести. Следовательно, через свободу совести и свободное исследование человечество должно достичь религиозного Единства.

Непросвещенная слепая вера, которая покоится только на пассивном послушании ума, не есть религиозная вера; это грубый и жестокий фетишизм. Религиозная Истина не может противоречить другим Истинам или Разуму, который есть Слово Божие, внедренное в человечество, свет, просвещающий каждого человека, присутствующего в мире. Таким образом, путем свободного исследования, а также философских и религиозных исследований, направленных на примирение Религии с Наукой, будет достигнуто религиозное Единство.

Более того, где Единство имеет наибольшее значение, и где оно достигает своего апогея, так это в концепции Любви к человечеству и Поклонения Богу. Там же среди всех истинно религиозных людей нашего времени осуществляется Единство. Толкование, догмы и особенности веры остаются в сфере свободы и разнообразия, независимо от того, рассматриваем ли мы все религии как совокупность или

рассматриваем каждую из них в отдельности. Это, безусловно, верно, поскольку католицизм, самая жесткая религиозная община, которая когда-либо существовала, оставляет тысячи вопросов на усмотрение различных свободных мнений верующих.

Однако Истина одна, и человек создан для Истины; он придет путем исследования и исследования к религиозному Единству, все более и более полному и всеобщему. Протестантизму, хранителю священного принципа свободы; католицизму, хранителю священного принципа иерархии и единства; и философии, действующей на территории чистого разума, по нашему глубочайшему убеждению, суждено однажды прийти к соглашению и соединиться.

«МИРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ» уделит некоторое место статьям, посвященным этим возвышенным вопросам. В политической сфере она будет решительно отстаивать принцип абсолютной свободы совести и защиты всех вероисповеданий. Нынешнее Правительство может в этой области, как и во многих других, встать на нелиберальный и ретроградный путь, но, к счастью, общественное мнение и законодательные органы настроены лучше. Эта свобода была установлена; мы хотим, чтобы она была широко и справедливо обеспечена для всех, а не на манер лжелибералов, которые добиваются ее, чтобы иметь право ни во что не верить. Эти чрезмерно снисходительные лжелибералы — в то же время — думают, что гражданские власти должны требовать от священников проведения ритуалов, противоречащих их церковным принципам, тем самым ставя Священное на тот же уровень, что и государственная политика.

В сфере совести все должны поддерживать свободу совести и никогда не применять силу, даже если бы она была законной силой.

Социальное Единство; - Право на Труд

Социальное единство не может быть свободно одобрено и поддержано населением, если социальная система не будет удовлетворять потребности всех классов. Имущие классы чувствуют необходимость сохранения порядка, потому что им есть что терять от беспорядка, и общество защищает это их право. Давайте также сделаем и для Права на Труд, которое является единственной Собственностью масс, то, что делают для Права на Собственность элиты; давайте признаем его, обеспечим его, защитим и организуем. Только при этом условии будет заложен фундамент национального единства классов.

Что же касается внешнего социального Единства, то оно должно осуществляться посредством политики Ассоциации, рассматривающей Государства и Народы как живые личности, каждая из которых имеет свое место под солнцем и свое право на свободное существование в обществе наций. В глазах этой Политики война — лишь пережиток Варварства, прискорбное наследство. Увеличение и регулярность научных, производственных и торговых связей между народами; скорость и развернутость в общении; прогресс в области прав человека и религиозного

сознания гарантируют, что война больше не будет характерной чертой цивилизованной, образованной, промышленно развитой и Христианской Европы.

Люди начинают понимать, что они ничего не выигрывают от войн, проливающих кровь по всему миру, их ОБЩЕМУ ОТЕЧЕСТВУ. Представительная система пацифистская по своей природе; те, кто платит цену войны, подумайте дважды, прежде чем санкционировать ее.

Развитие промышленных и торговых отношений не может сплести интересы наций, как это быстро происходит сегодня, без того, чтобы еще больше не ослабить войну. Кроме того, сегодня правительства кажутся все более миролюбивыми. За последние 25 лет мы видели сотни проблем, которые в прежние времена привели бы к европейским пожарам, решаемых на генеральных конференциях, дипломатических собраниях и съездах.

Война не будет окончательно устранена до того дня, пока великие державы, опираясь на нынешнюю дипломатическую практику конференций и конгрессов, наконец не институционализируют процесс европейского согласия, создав «Конгресс держав» – постоянный орган, которому поручено устанавливать международное право, регулировать все межгосударственные отношения, управлять объединением крупных международных или межконтинентальных интересов и устанавливать процедуры для всех тех случаев, которые в прежние времена спровоцировали бы войны.

Это суверенное учреждение будет творением девятнадцатого века. Оно уже существует де-факто; теперь его надо только узаконить. Это соответствует как интересам, так и идеям нашего времени.

Франция крайне заинтересована в том, чтобы встать в авангарде этого движения и взять на себя инициативу в деле организации Мира во всем мире. Эта цель и есть истинная европейская миссия Франции, то есть ее внешняя Политика. Ее роль социального освободителя была определена её славным прошлым и её благородным характером. Франция должна возглавить движение за освобождение народов и Судьбу Человечества. Франция должна *заклучить и организовать* мир в Европе, а не *просто подчиниться* ему. Ее минутное унижение и слабость не имеют никакой другой причины, кроме минутного отказа от этой могущественной и благородной Политики.

«МИРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ» будет представлять эту доблестную и славную Политику мира, справедливости и человечности, которая высоко ценится во Франции и во всех тех странах, где развивается новый дух. Мы надеемся, что она быстро заменит те глупые и неуклюжие газеты, которые постоянно ссорятся со всей Европой. Их *Шовинизм* столь же разрушителен для иностранных интересов нашей нации, как и *пассивная и постыдная* Политика, которая в настоящее время унижает и унижает Францию. Эти вредоносные публикации служат только для того, чтобы создать или поддержать у наших соседей чувства враждебности и ненависти к нам, происходящие из событий прошлого века, которые уже не актуальны и которые

являются величайшими причинами нашей нынешней слабости. У Франции, способной сделать так много добра для Европы, связаны руки из-за зла. Если она пойдет мирным и щедрым путем своей истинной гуманной Судьбы, то будет великой и славной нацией среди всех народов. Если она позволит отсталым мыслям и мечтам о завоевании вести себя за руку, или если она еще больше погрязнет в постыдном бездействии, она очень скоро испытает фатальное падение в упадок.

«МИРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ», ЖУРНАЛ ПРАВИТЕЛЬСТВ И ИНТЕРЕСОВ НАРОДА

Мы решительно не разделяем систематических предубеждений против правительств. Мы, конечно, не определяем правительства, как это делают экономисты и публицисты эпохи Реставрации: *«Язвы, которые мы должны взять на себя, чтобы максимально уменьшить»*. Мы не верим, что правительства обязательно и априори являются врагами народов.

Правительства совершают ошибки. Если некоторые элементы общества и питают против них абсурдные и несправедливые предубеждения, то они сами многое сделали для того, чтобы питать эти мрачные предрассудки. Они часто ошибаются или выбирают неверный курс. Мы должны следить за ними и жестко критиковать их, когда они сбиваются с пути. Оценка, которую мы дали выше людям, имеющим теперь власть во Франции, ясно показывает, что мы не намерены уклоняться от этой обязанности.

Однако мы считаем, что интересы народов и правительств в основном совпадают. Их разделяет только неправильное восприятие. Возьмем в качестве примера монарха, возбуждающего у нас самые жестокие предрассудки, т.е. российского царя. Не дай Бог, чтобы мы одобряли политику российского Самодержца! Не дай Бог, чтобы мы посоветовали Франции заключить тесный союз с Россией! Но верит ли кто-нибудь, что во всей Московской империи есть человек, любящий Россию больше, чем царь? Кто-нибудь верит, что есть хоть один человек, который чувствует себя более сильным представителем русского разума, русской национальности и славянской личности? Кто более предан славе, могуществу и процветанию этого великого Народа, и его судьбе, как он ее понимает? Мы так не думаем.

Есть ли во всей Германии человек, более полно воплощающий стремление к германскому единству, чем король Пруссии? Мы бы не стали думать дважды об этом. Кто-нибудь верит, что князь Меттерних не действует, как он это понимает, для продвижения истинных интересов и процветания народа, которым он правил так долго? Наконец, какой добросовестный человек, каким бы враждебным он ни был, посмеет вообразить, что, если бы у Луи-Филиппа был в руках надежный способ обеспечить счастье французского народа, он сделал бы что угодно, кроме как раскрыл бы свою руку и излил бы на страну всеобщее богатство, величайшую свободу и совершеннейший порядок? Какой мужчина посмеет представить, что Луи-Филипп будет держать руку на пульсе? Луи-Филипп сегодня просто король, а в

наши дни работа короля часто бывает трудной; он что-то об этом знает. Что ж! при гипотезе, которую мы выдвигаем, Луи-Филипп был бы не только королем французов, он был бы их Идолом и Богом. Что может быть более прочным основанием для основания новой династии, чем народное обожание?

Как правило, монарх — это человек, который больше всего заинтересован в процветании, славе, величии и счастье своего королевства. Следовательно, всегда ли он знает, как способствовать счастью? К сожалению, нет. Но это еще одна причина *просвещать* и *поощрять* правительства к прогрессу, а не к их свержению. Что касается нас, то наша позиция вовсе не губительна для правительств и королей. Мы в первую очередь друзья народа, а уж потом друзья правительств. Это не означает, что мы должны восхищаться всем, что делают правительства, или, если уж на то пошло, всем, что может сделать народ.

Конституционная форма с наследственным монархом и выборным законодательным органом кажется нам более развитой, стабильной и совершенной, чем все другие формы правления; включая республиканскую модель. Но мы не настаиваем, как это делает одна политическая школа, на невозможности перемирия или мира в Европе, если другие нации не примут нашу форму правления. Мы оставляем другим нациям задачу создания институтов, которые им подходят. В этом вопросе на карту поставлены их независимость и достоинство, а нации обычно недоброжелательно смотрят на своих соседей, вмешивающихся в их внутренние дела.

Поэтому мы считаем, что мы должны жить в мире с монархиями и республиками, поскольку обе они относятся к нам справедливо и избегают ссор с нами. Абсолютные монархии боятся нас больше, чем мы боимся их. Мы должны сами обузывать свои воинственные и агрессивные наклонности (это, конечно, не предназначалось нынешнему министру), и если мы хотим, чтобы нашу свободу и достоинство уважали, мы должны научиться немного больше уважать свободу и достоинства других.

Мы завоевали Европу, и Европа завоевала нас; но мы были одни против всех. Баланс воинской славы по-прежнему склоняется в нашу пользу. Давайте остановимся на этом и не будем пытаться восстановить Империю. У нас больше нет ни Императора, ни его мотивов, ни его оправданий. Давайте теперь попытаемся одержать победу в великих интеллектуальных, промышленных и художественных кампаниях Европы. Мы должны оставаться лидером Европы, но на конструктивном пути счастья, объединения и свободы для всего мира.

Именно потому, что это наши убеждения и принципы, мы озаглавили журнал «Мирная демократия», посвященный интересам правительств и народов.

«МИРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ» МОНАРХИЧЕСКАЯ

Слишком много внимания уделяется государственным реформам. Это было доказано. У нас были громкие эксперименты. Июльская революция поставила

либеральную конституционную партию у руля конституционного правительства. Получили ли мы все, что ожидали? Отнюдь нет.

У нас самая совершенная форма правления из всех существующих. Мы поддерживаем её, и мы правы, но это больше из-за её теоретической ценности, чем из-за реальной практической пользы. Прежде всего потому, что мы устали, и это справедливо, от реформ, революций и больших политических авантюр, и мы научились оценивать их истинную ценность.

В целом среди великих наций мы являемся той, в которой существует наибольшая степень свободы и равенства. Но это все же больше относится к нашим манерам и духу, чем к нашим политическим институтам.

Пруссия, менее свободная, чем Франция, в некоторых важных аспектах, лучше управляется абсолютным королем, чем нашими министрами и законодательным собранием. Нет нации, которая бы шла быстрее, чем Россия, менее чем за сто лет вытщенная из глубочайшего варварства своими самодержавными правителями. Англия, почтенная классическая европейская модель конституционализма и политической свободы, является страной, в которой положение масс является самым плачевным. Наконец, мы, конечно, не изменили бы наш политический и социальный статус на статус республик Северной и Южной Америки, жители которых бедны несмотря на то, что они имеют самые плодородные земли.

Ввиду этих фактов и нашего собственного опыта для разумных людей не рекомендуется придавать чрезмерное значение политическим институтам.

Сохраним завоеванное; мы не должны допустить сокращения тех свобод, за которые мы уже дорого заплатили. Мы должны постепенно расширять их, улучшать работу наших институтов, способствовать эффективному национальному управлению и постепенно добиваться социальной и экономической эмансипации всех тех, кто все еще страдает и стонет в тени наших политических трофеев. Но будем очень осторожны с возрождением революций и войн, чтобы погнаться за обманчивыми учреждениями и принять какой-нибудь республиканский строй.

Считать, что конституционная монархия несовместима с демократическим принципом, — огромное предубеждение.

Конституционное правительство всегда следует тенденциям общественного мнения и действительно сильных людей в стране. Англия на самом деле аристократична. Её монархическое правление есть просто унитарный инструмент её аристократии. Пусть идеи, нравы и демократические институты Франции все больше и больше развиваются, и наша конституционная монархия будет все больше и больше орудием французской демократической мысли.

Поэтому давайте генерировать идеи и формировать массовое общественное мнение. Тогда наш конституционный механизм, движимый великим национальным порывом, скоро перемелет доброе зерно, которое ему доверит нация.

Если бы Франция была республиканской по принципам, нравам и традициям; если бы она образовала республику в 1830 году; и, если бы республиканская форма была теперь режимом правления во Франции, мы бы сказали: «*Давайте сохраним наше республиканское правительство, и пусть оно послужит нам для хорошего управления Францией*». Это именно то, что мы говорим о конституционной форме, которую сейчас имеет Франция.

Кроме того, монархия не только сама по себе не противоречит демократическому элементу. Мы должны помнить, что исторически именно под защитой монархии росла французская демократия. Именно союз общин и королевской семьи против феодализма стал основной причиной постепенного ослабления и, как следствие, окончательного ниспровержения феодальной системы.

Как мы видели, новый Феодализм теперь тяжело давит на Королевскую власть, а также на Буржуазию и Народ.

Это создало новый союз, и на этот раз, по крайней мере, победа не будет кровавой и приведет к триумфу угнетенных.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО; - ВЫБОРЫ

Единство народа и его правительства — высокая цель, которой должна достичь политика.

Поскольку интересы в Обществе воюют между собой, мнения и классы не смогут прийти к соглашению. Не избирательная система и не всеобщее избирательное право могут принести согласие и гармонию из хаоса.

Следовательно, социальное единство и объединение различных классов являются неперенным условием политического единства.

В вопросе о политических правах на избирательное участие в Национальном правительстве существуют две диаметрально противоположные и одинаково ошибочные школы.

Материалистическую школу возглавляют Гизо и Тьер. Люди этой школы не признают априорных политических прав. Они не признают никаких прав, кроме тех, которые предоставляет закон. Права на них устанавливаются Законодательным собранием. Есть для них *paus legal* (видимо речь о имущественном цензе), а остальные - политические ничтожества.

Другая школа состоит из *политических идеологов*. Исходя из положения, что права граждан *априори* равны, каков бы ни был их статус, богатство или способности, люди этой школы хотят вовлечь всех, немедленно и на равных, в управление обществом.

Одни отрицают права и признают только положительное право; другие не принимают во внимание специфики ситуации, соответствующие средства или действительность и не допускают перехода или ограничений в осуществлении прав.

Мы говорим, что обе школы одинаково заблуждаются. Вот почему:

Мужчина умирает, оставив двоих маленьких детей. Дети являются наследниками, и права собственности переходят к смерти отца. В признании *их права* не отказано, *но в пользовании, осуществлении* этого права им отказано до тех пор, пока они не достигнут возраста, когда они смогут разумно им пользоваться. Им дается опекун.

Вот как мы должны рассуждать о политических правах масс. Каждый член нашей нации наделен при рождении универсальными правами, но нужно позволять гражданам осуществлять права на управление обществом только в той мере, в какой они приобретают достаточную компетентность и способность безопасно обращаться со столь важными и грозными правами.

Эта доктрина не лишает массы их прав, как это делают политические материалисты; но просто откладывает их осуществление. И в то же время, оправдывая эту отсрочку и опеку, она возлагает на опекунов огромную ответственность. Он возлагает на них торжественную обязанность разумного управления интересами несовершеннолетних и, кроме того, обязывает их прилагать все усилия для ускорения развития дееспособности несовершеннолетних, достижения ими дееспособности и осуществления своих прав.

Теперь, если опекуны управляют с эгоизмом, если их управление нечестно, если они хотя бы идут на компромисс с преступным безрассудством, издеваясь над правами и интересами несовершеннолетних; если несовершеннолетние в конце концов восстанут против своих опекунов, выбросят их или порвут с ними, то опекуны должны винить в катастрофе только самих себя. Революция всегда есть большое несчастье, но оно вызывается заслужено. Стражи людей должны быть осторожны.

Из-за этих принципов нас не найдут среди сторонников немедленного, прямого, всеобщего избирательного права, но мы благосклонны к тому, чтобы поддерживать меры, которые привнесли бы больше ума и таланта, и в то же время больше свободы, правды и свободы. порядка, в нашу очень несовершенную избирательную систему.

Вывод

Мы завершили изложение общих принципов «*Мирной Демократии*», особенно ее взглядов на Политику и социальную Экономику.

Другие лозунги, которые можно прочесть на нашей мачте, обозначающие наши цели и задачи, такие как: *Социальный прогресс без революции; Всеобщее богатство; Достижение порядка, справедливости и свободы;* и те, которые определяют наши методы: *Промышленная организация; Добровольное объединение капитала, труда и таланта;* не требуют никакого нового изложения в конце этого Манифеста.

Принципы, которые они выражают, были объяснены настолько, насколько это уместно в статье такого рода.

Теперь читатель достаточно знает о нас и наших учениях, чтобы решить, насколько он согласен с ними. Наше Дело есть Дело Бога и Человечества; наше Знамя — это Знамя Справедливости, Мира на земле и Объединения Наций. Пусть умы и сердца, зажженные этим святым Делом, присоединятся к нам под Знаменем освобождения!